

Я ЗА НЕЁ ПОРУЧИЛАСЬ

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Я за неё поручилась

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Я за неё поручилась / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Зоя знает Ларису почти тридцать лет и приводит её в продуктовый магазин, где сама работает много лет. Ручается перед хозяином, успокаивает коллег. В один из вечеров магазин грабят, а одного из работников находят убитым. Лариса признаёт, что помогла нападавшим попасть внутрь. Только человека, говорит, не убивала. Зоя уже ошиблась, когда доверилась подруге. Теперь от её слов зависят чужие судьбы. Она начинает с простого: кто оставался в магазине, что видел каждый из них и почему рассказы об одной ночи так не похожи. Только каждый новый вопрос угрожает тому, во что Зоя ещё хочет верить: подруга могла привести грабителей, но не убить.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Банка горошка	5
Глава 2. Спросите с меня	10
Глава 3. Свои чашки	15
Глава 4. До девяти	22
Глава 5. Свет в магазине	27
Глава 6. Что она знала	32
Глава 7. Не все деньги	37
Глава 8. За закрытой дверью	41
Глава 9. Там про меня	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

А.М. Сунгурский

Я за неё поручилась

Глава 1. Банка горошка

Зоя держала банку горошка в правой руке, телефон в левой и пыталась бедром закрыть дверцу под прилавком. Дверца не закрывалась. В неё упиралась пачка пакетов, которую Юля утром затолкала туда вместе с картонной втулкой.

— Я вам русским языком говорю: на ценнике восемьдесят девять, — повторяла покупательница.

— Я поняла. Сейчас посмотрю.

— Что смотреть? Вот цена, вот товар. Или я должна с лупой ходить?

На телефоне высветилось имя, которого Зоя давно не видела на экране. Не номер, а именно имя — «Лариска море». Зоя сама так записала его лет двенадцать назад, когда подруга работала в приморском пансионате. С тех пор Лариса успела сменить два города, развестись и похоронить мать, а в телефоне всё ещё жила у моря.

Зоя сбросила звонок.

За покупательницей стоял человек в рабочем комбинезоне, державший хлеб под мышкой. Ещё дальше мальчик катил ногой бутылку газировки. Зоя поглядела на бутылку, мальчик поднял её и сделал вид, что собирался именно это сделать.

— Пойдёмте вместе, — сказала она покупательнице.

— А это кто обслуживать будет?

— Юля, открой вторую.

Юля высунулась из-за кофейного автомата. На верхней губе у неё была белая полоска молочной пены.

— Там терминал опять.

— Наличными кто-нибудь? — спросила Зоя.

Человек с хлебом поднял свободную руку.

До горошка они дошли вдвоём. Покупательница ткнула пальцем в жёлтый прямоугольник. Восемьдесят девять. Зоя наклонилась. Рядом стояла кукуруза той же марки. Зоя решила, что жёлтый ценник относится к ней, и потянулась к соседнему, белому, над которым висел угол рекламной полосы.

Зоя приподняла его.

— Вот горошек. Сто девятнадцать.

— Замечательно придумали.

Женщина сказала это уже тише. Зоя знала этот голос: человек увидел, что дело сложнее, чем казалось, но сзади стояла очередь и отступать было неприятно.

— Полоска закрыла, — сказала Зоя. — Сейчас уберём. Горошек будете брать?

— За сто девятнадцать он мне не нужен.

— Хорошо.

Она отнесла банку обратно, сняла полоску целиком и по дороге завернула её в тугий рулон. На картинке семья сидела за столом с такими счастливыми лицами, словно именно горошка ей не хватало последние десять лет.

Телефон завибрировал снова.

— Да, Ларис.

— Ты когда-нибудь ешь?

— А что?

— Стою у вас уже минут десять. Ты одну женщину проводила, другую привела. Сейчас ещё горошек усыновишь.

Зоя обернулась.

Лариса стояла возле холодильника с молоком. Волосы у неё были короткие, медного цвета; на плече висела большая матерчатая сумка с выцветшей надписью. Прежде Лариса носила волосы до лопаток и часами выбирала сумки. Теперь обе перемены показались Зое обидными, словно кто-то принял их без неё.

— Господи, — сказала Зоя в телефон.

— Он тут ни при чём. Я на автобусе.

Они обнялись у молочного холодильника, мешая пожилому мужчине дотянуться до кефира. Мужчина подождал, потом кашлянул. Лариса, не отпуская Зою, шагнула вбок вместе с ней.

— Смотри, — сказала она. — Ещё поворачиваемся.

От неё пахло холодным воздухом и яблочным шампунем. Зоя прижала ладонь к её спине. Под пальцами оказалась тонкая ветровка. Для конца сентября тонковата.

— Ты почему не сказала?

— Хотела увидеть, как ты обрадуешься.

— А если бы не обрадовалась?

— Пошла бы за кефиром. Я же не с цветами пришла.

Зоя засмеялась и почувствовала, что сейчас заплачет. Очень глупо. Не виделись полтора года, а не половину жизни. На похороны Ларисиной матери она не приехала: у Олега тогда нашли что-то на снимке, два дня они бегали между кабинетами, потом выяснилось, что ничего страшного. Потом уже было поздно ехать. Зоя перечислила деньги, написала длинное сообщение. Лариса ответила сердечком.

— Пойдём, — сказала Зоя. — Я как раз обедать.

В комнате персонала Виталий Веденин сидел над пластиковым контейнером. Увидев Зою, он прикрыл его крышкой. Зоя успела заметить макароны и маленькие кусочки колбасы, обжаренные почти до черноты.

— Тайный ужин? — спросила она.

— От вас всё тайное. Сразу начнёте, что на таком далеко не уедешь.

— Уезжать собрался?

— В отпуск мечтаю.

Виталий поднялся и поставил чайник. Он был крупный, сутулый, с красными руками человека, который то разгружает холодную машину, то моет пол горячей водой. Свою кружку, жёлтую с отбитым краем, держал на верхней полке. Остальные пользовались любой свободной, а эту не трогали: Виталий однажды сказал, что ему неприятно пить после чужой помады, и Зоя запомнила, хотя сама почти не красилась.

— Лариса, подруга моя. Виталик, наш главный по тяжестям.

— Не главный. Единственный.

— Тем более ценный, — сказала Лариса.

Виталий посмотрел на неё внимательнее, кивнул и поставил на стол ещё две кружки.

— Есть у вас что-нибудь к чаю? — спросила Лариса.

— Мы продуктовый магазин, — сказал он.

— В парикмахерской расчёску тоже не всегда найдёшь.

— Тут твоя правда.

Зоя достала из своей сумки два бутерброда. Один был аккуратно завернут в фольгу, второй — в разорванный пакет из-под хлеба. Ася вчера взяла последнюю фольгу на какую-то поделку для своего колледжа, и Зоя утром успела сердито подумать, что взрослый человек мог бы хотя бы предупредить.

— Ты ела?

— Зой, я только спросила про чай.

— Ела?

— В автобусе сырник.

Зоя положила перед ней бутерброд в фольге.

— Возьми.

— Давай половину.

— Возьми целый, я себе куплю.

Лариса развернула фольгу, посмотрела на колбасу и огурец, аккуратно разделённые листиком салата.

— Олег по-прежнему думает, что салат делает колбасу полезной?

— Это я положила.

— Тогда делает.

Виталий фыркнул. Зоя подумала, что Лариса всегда умела так: ещё толком не села, а в комнате уже стало теснее и веселее. В техникуме они жили в одной комнате. Зоя стирала по субботам и вешала рубашки на плечики, Лариса сушила колготки на торшере, пока однажды на них не выплавились четыре одинаковых овала. Потом целую неделю объясняла, что это дорогая модель. Никто не верил, но смотрели все.

— Надолго? — спросила Зоя.

Лариса перестала улыбаться и отпила чай, хотя он был ещё слишком горячий.

— Совсем.

Виталий поднял свой контейнер.

— Пойду. Там хлеб привезли.

— Доешь, — сказала Зоя.

— Доел.

Макарон там оставалось больше половины. Он закрыл контейнер и вышел. Лариса проводила его глазами.

— Деликатный у вас главный по тяжестиям.

— Когда хочет. Так что случилось?

— А должно что-то случиться?

— Ты приехала с сумкой и говоришь «совсем».

— С чем мне приехать? С оркестром?

Зоя подняла руки.

— Всё, молчу.

— У Нины пока поживу. Комната у неё пустует. Потом сниму что-нибудь.

— А там квартира?

— Мамину продали. С Ниной пополам. Ещё долги за уход, за последние месяцы... Ну ты понимаешь.

Зоя кивнула. Она не очень понимала. Ларисины сообщения последние два года состояли из отдельных неприятностей: лежачая мать, сломанный подъёмник, помощница, которая не пришла, деньги, которых не хватало. Зоя отвечала между работой и домом. Иногда советовала такое, что Лариса уже пробовала. Иногда просто откладывала ответ, а вечером забывала.

— Работу ищешь?

— Нет, решила на твой бутерброд перейти.

— Я серьёзно.

— И я серьёзно. Конечно, ищу.

У Ларисы на запястье был тонкий белый след от часов. Самих часов не было. Зоя заметила его и сразу отвела взгляд, будто подруга могла поймать её на подсчёте потерь.

— У нас человек нужен, — сказала она.

Лариса взяла бумажную салфетку, провела по пальцам.

— Продавец?

— На кассу и в зал. И там, и там. Валя ушла, второй месяц крутимся. Я с Глебом поговорю.

— Не торопись.

— А чего ждать? Ты же работала в торговле.

— Давно.

— Научим. Тут не самолёт.

— Зоя.

Она произнесла имя так, как в техникуме произносила перед трудным разговором: без привычного сокращения, с маленькой паузой после.

— Что?

— Не надо меня пристраивать, как твоя мама устраивала меня на картошку. Помнишь? Всем сказала, что я здоровая девка. Я потом две недели мешки таскала.

— А деньги получила?

— Получила.

— Ну вот.

— Ты совсем не меняешься.

Зоя хотела ответить, что меняется ещё как. Колени, например, уже совсем другие. Но Лариса не улыбалась, и шутка осталась при ней.

За стеной что-то грохнуло. Потом Юля крикнула, что она не специально.

— Это у нас каждое утро, — сказала Зоя. — Не специально.

Лариса всё-таки улыбнулась.

— Я подумаю.

— Думай. Только давай сегодня, а то возьмём кого-нибудь.

— Уже торопишь.

Зоя встала, собрала фольгу и пакет. На своём бутерброде она успела откусить уголок. Остальное завернула обратно.

— Дай хоть сумку твою в кабинет занесу. Городом пройдёшь, согласишься. К вечеру к нам. Олег тебя рад будет видеть.

— Олег ничего не знает.

— Сейчас узнает.

Она уже набирала мужа, когда Лариса сказала:

— Зой, я сама приеду. Если приеду.

Зоя опустила телефон.

— Как хочешь.

Получилось сухо. Она услышала это и стала быстро искать, чем смягчить, но Лариса дотронулась до её локтя.

— Я рада тебя видеть. Правда.

Они вышли в торговый зал. Юля подметала сахар возле разорванного пакета, а покупательница, спорившая из-за горошка, вернулась и стояла у кассы с той самой банкой.

— Всё-таки понадобился? — не удержалась Зоя.

Женщина посмотрела на неё исподлобья.

— Сын салат попросил.

Зоя пробила покупку. Сто девятнадцать. Женщина приложила карту, взяла чек, потом сказала почти неслышно:

— Там правда закрыто было.

— Я убрала полоску.

— Ну и хорошо.

Лариса стояла у выхода и ждала, хотя сказала, что пойдёт. Когда Зоя подняла глаза, она показала на объявление, приклеенное к стеклу. «Требуется продавец-кассир». Нижние полоски с номером телефона кто-то оборвал почти все.

— Как хозяина зовут?

— Глеб. Сафонов.

— Когда лучше подойти?

— Завтра утром.

— Самой?

— Я буду.

Лариса открыла дверь. Сумка стукнула о раму.

— Только не говори, что я здоровая девка.

— Про мешки промолчу.

Подруга ушла, а Зоя несколько секунд смотрела на качавшуюся на двери табличку. Одна сторона была зелёная, другая красная. Сейчас к ней повернулось слово «Закрито», и Зоя машинально протянула руку поправить.

— Зоя Сергеевна, — позвала Юля. — А горошек-то у нас по акции был. До вчера. Я старый ценник снять забыла.

Зоя обернулась.

— Юль, ну почему мне надо сначала по всему магазину ходить?

— Я же говорю: забыла.

На кассе снова зазвонил телефон. Глеб хотел знать, почему с утра так мало пробито.

Зоя посмотрела на часы над холодильником. До конца смены оставалось восемь часов.

Глава 2. Спросите с меня

Глеб принимал Ларису между звонками. На столе перед ним лежала толстая пачка накладных, а на краю стоял прозрачный контейнер с виноградом. Он отрывал по ягоде и продолжал смотреть в телефон, даже когда задавал вопрос.

Зоя стояла у двери. Стул был один, и на него села Лариса.

— Последнее место?

— Магазин хозяйственных товаров. Потом уход за матерью.

— Сколько потом?

— Три года.

— То есть три года не работали.

— Оплачиваемо — нет.

Глеб поднял глаза. Зоя подумала: ну вот, началось. Можно было просто сказать «да». Лариса умела отрезать одним словом так, что потом приходилось делать вид, будто никто никого не задел.

— Я про опыт спрашиваю, — сказал Глеб.

— Я про него и отвечаю.

Он положил телефон экраном вниз.

— Касса знакома?

— На старой работала. Эту покажете — разберусь.

— Не я. Зоя покажет. Санитарные документы действующие есть?

Лариса покачала головой. Глеб повернулся к Зое.

— Вот. А ты: завтра выходит.

— Я не говорила, что завтра выходит. Я сказала, завтра поговорите.

— Слышал я, как ты говоришь.

Телефон опять затрясся. Он посмотрел на экран, выключил звук и подтолкнул контейнер к Ларисе. Та не взяла.

— До оформления к продуктам не ставим, — сказал он. — С документами разберётесь. С графиком тоже. Здесь ноги целый день. Два раза чай попить можно, но не по сорок минут.

— А кто будет засекать? — спросила Лариса.

— Зоя.

Подруга посмотрела на неё, и Зоя впервые пожалела, что осталась в кабинете.

— Я всем показываю первые смены, — сказала она.

— Я поняла.

Глеб подвинул листок с телефоном женщины, которая помогала им оформлять медосмотры, и начал объяснять адрес. Он говорил слишком быстро, употреблял названия останков, которых Лариса уже не помнила. Зоя вмешалась:

— Это где бывшая «Берёзка». У поликлиники.

— «Берёзку» снесли, — сказал Глеб.

— Мы знаем, где она была.

На этом Лариса впервые засмеялась. Глеб тоже чуть улыбнулся и сразу стал похож на человека помоложе: без привычного прищура, которым оценивал чужую ошибку ещё до того, как она произошла.

Когда подруга вышла, он окликнул Зою.

— Ты останься.

Лариса придержала дверь, ожидая, не попросят ли вернуться, но Глеб молчал. Она закрыла её за собой.

— Резкая, — сказал он.

— Нормальная.

— С покупателями тоже такая?

— Смотря с какими.

— Зой, я серьёзно. У меня и так половина района считает, что продавцы им должны денег.

— А вторая половина тебе должна. Вера Ильинична знает.

— Веру не трогай. Она хотя бы цену знает.

Зоя вспомнила вчерашний горошек. Женщина уже ушла, когда выяснилось про старую акцию. Зоя отложила тридцать рублей в отдельный конверт и написала на нём «горошек». Юля сказала, что женщина не вернётся. Зоя ответила: вернётся, здесь больше нигде покупать такую колбасу, какую берёт её сын. После этого ей стало неловко за собственную уверенность.

— Хороший человек, — сказала она о Ларисе. — Работать будет.

— Все хорошие, пока не возьмёшь. Откуда она вернулась?

Зоя назвала город.

— А у меня что, нельзя там спросить, где она до матери работала?

— Спроси. Только магазин закрылся давно.

— Удобно.

— Глеб, хватит. Я её почти тридцать лет знаю.

— Мне не тридцать лет нужны. Мне последние три нужны.

Зоя почувствовала раздражение. Он говорил так, будто Лариса провела эти три года в притоне. Будто смерть матери была сомнительным пунктом в анкете, который требовалось подтвердить печатью.

— Человек вымотался. Хочет работать. Нам человек нужен. Что ещё?

— У нас деньги, товар. Свои привычки. Ты её потом сама и будешь прикрывать.

— Я никого не прикрываю.

Он посмотрел на неё.

— Ладно.

Это «ладно» было хуже спора. Она поняла, что он имеет в виду Юлю и разбитые банки, Веру и отпускные дни, которые та меняла задним числом, Виталия, которого сама Зоя отпускала раньше, когда ему было нужно. Всё это Глеб считал её самоуправством, пока оно помогало закрывать смены, а потом вспоминал разом.

— Если что, спросите с меня, — сказала Зоя.

Она редко называла его на «вы». Сейчас захотелось поставить между ними стол целиком, со всеми бумагами и виноградом.

— С тебя и спрашиваю, — ответил он. — Всегда с тебя.

Лариса ждала в проходе. Она держала в руках маленькую пачку печенья.

— Где у вас вторую кассу открывают?

— Сейчас пробью.

— У Юли пробью. Ты занята.

— Что такое?

— Ничего.

Зоя взяла её за локоть и отвела к холодильнику, где шум компрессора заглушал разговор.

— Ты слышала?

— Немного.

— Он всех так принимает.

— А ты за всех отвечаешь?

— Не придирайся к словам.

Лариса посмотрела на Зоину руку. Та отпустила локоть.

— Я благодарна, — сказала Лариса. — Только не надо меня сразу брать под опеку. Я не к тебе на содержание приехала.

— Да кто тебя берёт на содержание?

— Никто. Значит, договорились.

Она подошла к кассе и расплатилась за печенье мелочью. Зоя видела, как она пересчитывает монеты на ладони, и удержалась от желания сказать Юле, что можно потом. Это было трудно и почему-то обидно.

* * *

Олег выслушал новость вечером, лёжа на кухонном полу. Перед ним стояла снятая дверца посудомоечной машины. Он называл её «эта итальянка», хотя сделана она была в Китае и давно перестала производить впечатление на кого-либо, кроме соседки снизу.

— За кого ты опять поручилась?

— Не опять. За Ларису.

— С моря?

— Она оттуда лет семь как уехала.

— У тебя в телефоне с моря.

Зоя положила продукты на стол, вытащила из-под Олеговой ноги полотенце и повесила на спинку стула.

— Ты-то чего ворчишь? Человек приехал, работу ищет.

— Я не ворчу. Я спросил.

— Уже таким голосом.

Олег сел, потёр шею и протянул руку за отвёрткой.

— У меня голос всегда такой, когда на кафеле сорок минут лежу. Тебе помочь или поговорить?

— Картошку почистить.

— Это два разных прибора.

— Так и я не автомат.

Из комнаты вышла Ася в наушниках. Увидев отца на полу, переступила через его ноги и достала из шкафа чашку. С ней пришёл тихий чужой голос: кто-то в телефоне говорил про композицию.

— Убавь, — сказал Олег.

— Это в наушниках.

— А слышу я.

Ася нажала на кнопку сбоку телефона.

— Тётя Лариса приехала? — спросила она.

— Приехала. Может, в субботу позовём.

— Та, которая мне купила жёлтые сапоги?

Зоя удивлённо посмотрела на дочь.

— Ты помнишь?

— Конечно. Ты говорила, что я в них на утку похожа.

— Я не так говорила.

— На красивую утку.

Олег засмеялся. Ася улыбнулась ему, потом Зое, и на минуту Зое стало легко. Вот же. Лариса была частью их жизни. Даже Ася, которой тогда было шесть, помнила сапоги. Почему надо было объяснять Глебу, что подруга не чужой человек?

— Она у нас работать будет, — сказала Зоя.

— Вместе с тобой?

— Сначала вместе.

Ася поставила чашку на стол.

— Повезло тёте Ларисе.

— Что это значит?

— Ничего.

— Асенька, я по голосу слышу.

— Мам, я сказала, что ей повезло. Ты уже сама себе отвечаешь.

Дочь ушла, забрав чашку и телефон. Олег снова лёг на пол.

— Вы оба, — сказала Зоя.

— Что оба?

— Ничего.

Она достала картошку, налила в кастрюлю воды. Очистки падали на газету с рекламой окон. Зоя чистила быстро, почти не оставляя глазков, и думала, что людям легко смеяться, пока за них кто-нибудь договаривается, запоминает дни рождения и берёт трубку в рабочее время. А потом скажут: тебя никто не просил.

Олег возился молча. Через несколько минут снизу послышалось:

— Ты её в последние годы часто видела?

— Не часто. И что?

— Просто спрашиваю.

— На мать у неё уходило всё. Куда бы она ездила?

— Я не про неё.

— А про кого?

Он выбрался из-под дверцы, сел и посмотрел на Зою снизу вверх. Волосы у него стояли дыбом от пола. Хотелось пригладить их, но она держала нож.

— Ты сейчас сказала Глебу, что знаешь, как она работает. А ты знаешь?

Зоя положила очищенную картофелину в воду. Вода плеснула на край стола.

— Узнаю.

— Ну вот так бы и сказала.

— Он бы её не взял.

— Может. А может, взял бы на испытание. Зачем тебе за него решать?

— Потому что он второй месяц не может найти человека, а мы ноги не чувствуем.

Олег подвинулся, освобождая ей место возле плиты.

— Тогда это другое дело.

— То же самое.

— Как скажешь.

Она ненавидела «как скажешь». После него всегда оказывалось, что последнее слово оставили ей, а виноватой всё равно сделали её.

Телефон звякнул на подоконнике. Пришло сообщение от Ларисы: «Адрес нашла. Завтра иду. Спасибо, командир».

Следом фотография: на подоконнике у Нины сидел толстый кот, втиснувшийся между цветочным горшком и банкой с кисточками. Подпись: «Мой сосед. Пока не одобрил».

Зоя улыбнулась и показала Олегу. Он посмотрел, тоже улыбнулся, но ничего не сказал.

Она написала: «Принеси ему колбасы». Потом стёрла и отправила только смеющееся лицо.

* * *

На следующий день в магазин зашла женщина с горошком. Пустую банку она не принесла, но Зоя всё равно узнала её сразу. Женщина прошла к колбасному отделу, взяла двести граммов той самой колбасы и стояла, придерживая у бедра сумку.

— Подождите, — сказала Зоя, когда Юля пробила покупку.

Она достала конверт.

— Там акция была. Ценник вовремя не сняли. Я тогда не проверила до конца. Вот разница.

Женщина посмотрела на тридцать рублей.

— Да я уже и забыла.

По её лицу было видно, что не забыла.

— Всё равно возьмите.

Она спрятала деньги в кошелек с маленькой металлической застёжкой. Потом сказала:

— Салат хороший получился.

— Ну и хорошо.

Когда она ушла, Юля спросила:

— Из кассы вернули?

— Из своих. Потом с Глебом решим.

— Зоя Сергеевна, ну я же виновата. Давайте я.

— Работай.

Юля помолчала.

— Вы сейчас скажете «забыли». А потом, когда я опоздаю, вспомните.

Зоя хотела возразить. Уже открыла рот, но увидела, как Юля ждёт ответа, втянув голову в плечи. Совсем молодая. С криво подведёнными глазами, с дешёвыми серёжками, которые цеплялись за воротник. Неужели она так её боялась?

— Ладно, — сказала Зоя. — Пятнадцать с тебя. Пятнадцать с меня. Ценник не сняла ты, а женщине объясняла я.

Юля полезла в карман фартука.

— Только у меня десятка и мелочь.

— Давай мелочь.

Они пересчитали монеты рядом со сканером. Последние два рубля Юля нашла в маленьком кармане, где обычно носила резинку для волос.

Зоя убрала деньги. Юля уже пробивала следующую покупку и придерживала локтем падающий рулон пакетов. Зоя подхватила его, насадила на держатель и пошла открывать вторую кассу.

Глава 3. Свои чашки

В первую смену Лариса пришла с двумя парами обуви. Одни туфли были на ней, другие она достала из сумки и поставила под стул. Юля посмотрела с уважением.

— Сразу видно, человек подготовился.

— Одни ноги умные, другие красивые, — сказала Лариса. — Посмотрим, кто к вечеру останется.

К вечеру красивые лежали в сумке, а умные натирали правую пятку. Но Лариса ни разу не попросилась сесть. Это понравилось Зое больше, чем следовало. Она ловила себя на том, что ждёт от подруги доказательств перед Глебом, и сердилась на него заранее, хотя он в тот день вообще не приехал.

Лариса училась быстро. Во всяком случае, руки у неё не путались: сдачу отсчитывала, сканер держала удобно, бутылки не клала на хлеб. Сложнее было с людьми. Первому же мужчине, который предложил ей улыбаться чаще, она посоветовала посмотреть, не забыл ли он дома очки.

— В смысле? — спросил мужчина.

— Я уже улыбаюсь. Вот, видите?

Она показала зубы. Юля отвернулась к пакетам, и её плечи затряслись.

— Тут такого не надо, — сказала потом Зоя.

— Какого?

— Подкалывать.

— Он первый начал.

— Он покупатель.

— А я продавец. Знакомство состоялось.

Зоя промолчала. Мужчина не обиделся; наоборот, хмыкнул и уходил довольный. Но нельзя же каждый раз надеяться, что попадётся понятливый.

В обед они разбирали молочную поставку. Лариса задержала в руке пакет кефира и спросила, почему один и тот же товар стоит на двух полках.

— Здесь срок ближе, — объяснила Зоя. — Сначала этот уходит.

— А если я с дальней возьму?

— Возьмёшь. Мы же руки людям не связываем.

— Уже хорошо.

Она говорила легко, но оглянулась на кассы: не слышит ли Юля. К концу первой смены выяснилось, что подруга не любит учиться при ней. Двадцатидвухлетняя девчонка щёлкала по экрану быстрее обеих и могла объяснить какую-нибудь операцию так просто, что от этой простоты становилось стыдно за вопрос.

— Давайте покажу, — сказала Юля, когда Лариса не сумела отменить неверно выбранный товар.

— Я сейчас сама.

— Там просто назад, потом корзина.

— Я вижу.

Юля убрала руки. Зоя помогла не сразу. Пакет с мукой ждал на весах, покупательница переступала с ноги на ногу, и Лариса покраснела до ушей.

Позже, в комнате персонала, она сказала:

— Ты специально.

— Что специально?

— Стояла и ждала.

— Ты сказала, сама.

— Ну конечно. Ты у нас всё понимаешь буквально, когда удобно.

Зоя поставила чашку на стол.

— Ларис, я не знаю, как тебе лучше. Помогаю — плохо. Не помогаю — тоже плохо.

— Не делай из меня дуру при этой девочке.

— Она тебя душой не считает.

— А ты откуда знаешь?

Ответить на это было нечего. Зоя откусила сушку и едва не повредила зуб: кто-то оставил пакет открытым, сушки набрали влаги, потом снова высохли и теперь напоминали маленькие баранки из гипса.

Виталий заглянул в дверь.

— Кто снаружи коробку поставил?

— Какую? — спросила Зоя.

— Вот этого я и боялся.

Он вывел их в приёмочную. Между дверью во двор и стеллажом стояла пустая коробка из-под бананов, и пройти можно было, только отодвинув её ногой.

— Моя, — сказала Лариса. — Я сейчас вынесу.

— Не надо во двор. Сюда, в угол. Потом сразу всё.

— Она же пустая.

— Нога тоже пустая, когда на неё коробкой не наедут. Всё равно болит.

Лариса посмотрела на него, потом на коробку и переставила её без спора.

Виталий проверил, как ходит дверь. На внутренней стороне висела тяжёлая металлическая задвижка. Он поднял её, опустил, ещё раз толкнул дверь плечом.

— Старое всё, — сказал он. — Закрыл — дёрни. Не на звук надейся.

— Поняла.

— И не открывай, если не знаешь, кто там.

— Продукты разве неизвестные люди привозят?

— И продукты, и предложения. Тут как-то мужчине срочно понадобилось нам счётчик проверить. В восемь вечера.

— Проверил?

— Через передний вход пусть проверяет. С Глебом.

Лариса кивнула и вернулась в зал. Зоя задержалась.

— Ты с ней помягче.

— Зачем?

— Новая она.

— Я ей дверь показал, а не жизнь объяснял.

Виталий взял канцелярский нож и стал срезать с картонной пачки пластиковую ленту. Зоя заметила порез на его большом пальце.

— Опять?

— Вчера дома.

— Перчатки надень.

— Вчера дома я не могу сегодня надеть.

Она махнула рукой и вышла. Через несколько шагов услышала, как он тихо смеётся один, своим шуткам.

* * *

В субботу Лариса пришла к ним с тортом. Торт был маленький, с двумя одинаковыми шоколадными листочками. Зоя сказала, что не надо было тратиться, и сразу пожалела: Лариса едва заметно поджала губы.

— Я знала, что скажешь. Но удержаться не могла.

Ася встретила её в прихожей и обняла за шею. Лариса отступила, посмотрела снизу вверх.

— Ты когда успела такая вырасти?

— Пока вы с мамой переписывались.

— Нахальная. Моя школа.

— Это у неё своя, — сказал из кухни Олег.

Он приготовил картошку с мясом в большой форме. Края картошки подгорели, середина осталась мягкой, и Зоя уже успела сказать ему, что надо было накрыть фольгой. Теперь она, наоборот, хвалила корочку. Олег делал вид, что не замечает.

Лариса рассказывала о Нинином коте, который научился открывать нижний кухонный ящик и спать на чистых полотенцах. Потом вспомнили техникум. Зоя достала старые фотографии, хотя собиралась не доставать: не любила своё лицо в семнадцать лет, широкое и серьёзное, с чёлкой, подстриженной слишком высоко.

— Ты себе её сама стригла? — спросила Ася.

— Она мне, — Зоя показала на Ларису.

— Ты просила покороче.

— Я просила ровнее.

Лариса закрыла лицо руками, смеясь. На одной фотографии они сидели на полу общежитской комнаты. Между ними стояла трёхлитровая банка с засушенными цветами. Олег ткнул в неё пальцем.

— А это что за веник?

— Это твои цветы, — сказала Зоя.

— Значит, ценный веник.

После ужина Ася принесла ноутбук и показала Ларисе свои работы. На экране были эскизы упаковки для чая: птицы, листья, буквы, которые Зоя никак не могла прочитать.

— Вот эти похожи на дохлых голубей, — сказала Лариса.

Зоя ахнула, но Ася расхохоталась.

— Я так преподавателю и сказала! Он говорит: это пластика.

— Ну пластика у них не очень живая.

Они склонились над экраном. Лариса показывала что-то пальцем, Ася двигала мышкой. Зоя убирала тарелки и слушала их. Ей было приятно, что подруге нравится дочь, и одновременно немного ревниво: ей самой Ася объясняла эти рисунки с терпением, которое выдерживают только при большой любви.

— А в руках подержать можно? — спросила Лариса.

Ася полезла в рюкзак. Достала плоскую картонную заготовку с голубыми птицами, правила сгибы. Коробочка получилась высокая и узкая. У основания торчали два белых клапана.

— Это ещё не окончательно, — предупредила она. — На нормальном картоне будет плотнее.

Лариса взяла коробочку, повернула дном вверх.

— Тут откроется.

— Не должно. Там ещё приклеивается.

— А, тогда ладно. Я просто представляю, как её беру с полки. Беру вот так, а пакетики мне на голову.

Она сделала вид, что ловит падающий чай. Ася засмеялась, но коробочку забрала и стала разгибать.

— Ты её не сломай, — сказала Зоя.

— Мам, она уже кривая. В автобусе помяли.

— Я тебе говорила, в отдельный пакет надо.

Ася перестала разгибать картон. Лариса спросила, где у них ножницы.

— Зачем? — насторожилась Зоя.

— Операция будет. У нас в хозяйственном такие же вкладыши в коробки с бокалами ставили. Если внутри перегородку сделать, она не сложится. Только я не знаю, можно ли в твоём задании.

Ася посмотрела на неё и вдруг встала.

— Подожди, сейчас.

Из комнаты она принесла ещё лист, линейку и нож. Зоя отодвинула тарелку с остатками мяса. Олег поспешно накрыл скатерть старой разделочной доской.

— Режьте здесь. Доске уже всё равно.

Перегородка с первого раза не вошла. Лариса предложила отрезать край, Ася покачала головой: тогда не за что будет крепить. Они спорили, примеряли, один раз приклеили деталь вверх ногами. Зоя вымыла посуду и вернулась к столу, когда коробочка уже стояла сама.

— Теперь по ней можно хлопнуть, — сказала Ася.

— Я лучше заварю.

— Тётъ Ларис, ну вот вы всё время.

— Всё, серьёзно. Держится. А название где?

Ася повернула коробочку боком.

— Вот.

— Я подумала, тут ветка.

Дочь вздохнула и потянулась к ноутбуку. Зоя ждала раздражения, знакомого ей по домашним обсуждениям рисунков, но Ася уже увеличивала надпись. Лариса подвинула стул, чтобы им обоим был виден экран.

Когда Олег принёс торт, на столе лежало пять вариантов названия. Зое больше всего понравился третий. Она не сказала: боялась, что опять потребуют объяснить почему.

После торта Ася увела Ларису в свою комнату: там можно было ещё раз распечатать рисунок. Зоя с Олегом убрали со стола. Через четверть часа дочь и подруга вернулись с новым листом, на котором краска размазалась с одного края. Олег пошёл ставить чайник.

На Ларисином телефоне загорелся экран. Она посмотрела на имя, не взяла трубку и перевернула телефон.

Через минуту звонок повторился.

— Ответь, — сказала Зоя. — Мы не обидимся.

— Стёпка. Ему скучно.

— Нинин?

— Ну.

— Он сейчас где работает?

— Где позовут. То доставка, то стройка. Молодой ищущий человек.

Лариса вышла в коридор. Дверь на кухню осталась приоткрытой. Зоя услышала:

— Я в гостях... Нет, завтра... Стёпа, не сейчас.

Она сказала это не сердито, но совершенно иначе, чем разговаривала с ними. Словно выдвинула между собой и собеседником тяжёлый ящик.

Вернувшись, Лариса попросила ещё чаю.

— Нина его балует, — сказала она. — В двадцать четыре уже пора самому понимать, что у людей бывают свои дела.

— В двадцать четыре? — удивилась Зоя. — Я думала, ему лет восемнадцать.

— Ты всех помнишь по последней фотографии.

— Это правда, — сказала Ася.

Зоя убрала со стола альбом.

Они проводили Ларису около десяти. Олег предложил отвезти, но она отказалась: автобус ещё ходил. Зоя вышла с ней до остановки. На улице моросило. Под фонарём капли были видны, дальше исчезали.

— Хорошая у тебя Аська, — сказала Лариса.

— Когда не спорит.

— И когда спорит тоже.

Они постояли молча. Лариса вытащила сигарету, покрутила между пальцами, потом убрала.

— Бросила? — спросила Зоя.

— Экономлю.

— Могла бы у нас остаться. На диване.

— Зой, у меня есть где спать.

— Я не поэтому.

Лариса прислонилась к стеклу остановки. За стеклом висела реклама новостройки: белый дом, синее небо, женщина с чашкой на балконе. По лицу женщины стекала дождевая вода.

— Ты всё время мне место ищешь, — сказала Лариса. — На работе, за столом, на диване. Я иногда не успеваю понять, куда сама хочу.

— Я только предложила.

— Знаю.

Зоя почувствовала знакомое желание обидеться. Она могла бы сказать: хорошо, больше не буду. Это было бы очень просто. Вместо этого она спросила:

— А куда ты хочешь?

Лариса долго смотрела на мокрую дорогу.

— Чтобы дверь закрыть. Свою. И чтобы за ней никому ничего не надо.

— Снимешь.

— Сниму.

Подожёл автобус. Лариса поднялась на ступеньку, обернулась и вдруг послала Зое воздушный поцелуй, совсем как раньше, когда уезжала на море и все завидовали её лёгкости.

Зоя махала, пока автобус не отъехал. Потом пошла домой. У подъезда вспомнила, что не взяла ключи. Позвонила Олегу.

Он открыл почти сразу и спросил:

— Что, опять человек без своего угла?

— Я без ключей.

— У тебя это временно.

На кухне оставался торт. Ася съела один шоколадный листочек, второй положила Зое на блюдце.

Зоя долго смотрела на него, потом съела целиком, не запивая.

* * *

В понедельник около семи вечера в «Клён» вошла Светлана Веденина. Она придержала дверь покупательнице с сумкой на колёсах, потом помогла втащить сумку через порог. Женщину Зоя знала: та жила в соседнем подъезде, покупала всё помаленьку и сердилась, если предлагали донести.

Светлане позволила. Даже поблагодарила.

— Здравствуйте. Виталик здесь?

— В приёмочной.

На Светлане было короткое серое пальто. В одной руке сумка, в другой пакет с контейнером. По пакету проступило небольшое жирное пятно.

— Опять крышка, — сказала она, заметив Зоин взгляд. — Я ему покупала с защёлками. Куда он их деваает?

— Мне бы кто сказал, куда мои деваются.

— Вот. Всем бы нам один ответ, сколько бы времени освободилось.

Зоя дала ей два пакета. Светлана аккуратно поставила контейнер внутрь. В комнате персонала была только микроволновка; Светлана проверила, не осталось ли на крышке металлической скобы.

Лариса стояла возле кофейного автомата и возилась с поддоном.

— Не вынимается? — спросила Светлана.

— Вынимается. Только вместе со всем кофе за неделю.

— Дай сюда пакет подставляю.

Они справились вдвоём. Светлана держала пакет, Лариса наклоняла поддон, и обе молчали с таким сосредоточенным видом, словно переливали что-то ценное. Когда последние капли наконец упали, Лариса сказала:

— Можно пить. Настаивался хорошо.

— Без меня, — ответила Светлана. — Мне свой муж с утра такое же сделал.

Лариса рассмеялась. Зоя вспомнила чай у Ведениных, в чашках с золотыми ободками. Светлана всё подливала гостям, а свой так и выпила холодным. Виталик тогда предлагал поставить его в микроволновку, но она только отмахивалась: уже допью.

Из приёмочной вышел Виталий. Увидел жену с грязным пакетом.

— Ты чего уже работаешь?

— Устраиваюсь на твоё место. Тут чай бесплатный.

— Зато платят редко.

Он взял у неё пакет, выбросил в ведро. Светлана протянула контейнер.

— Котлеты. Только осторожно, там всё течёт.

— Я поел, Свет.

— Поставишь в холодильник.

— Не надо мне оставлять. Возьми домой.

Она не сразу убрала руку. Зоя посмотрела на табло весов, будто там что-то требовало внимания. На табло стояли нули.

— Завтра возмёшь, — сказала Светлана.

— Завтра у меня своё будет.

— Откуда своё?

Виталий коротко взглянул на Зою и пошёл в комнату персонала. Светлана последовала за ним. Контейнер она держала обеими руками, прижимая к пальто, хотя только что боялась его испачкать.

— Можно так просто туда? — спросила Лариса.

— Жена.

— А-а.

За служебной дверью заговорили. Слов Зоя не слышала, только Светланин голос: ровный, негромкий. Потом Виталий ответил громче:

— Я сказал, поел.

Глеба не было, покупателей мало, и всё равно Зоя занялась ценниками. Проверила сначала все жёлтые, потом белые. С горошком больше ошибаться не хотелось.

Через несколько минут Светлана вышла. Пакет остался у неё в руке.

— Он у вас что ел? — спросила она.

— Не знаю, Свет. Я на кассе была.

— Вы же вместе тут целый день.

— Не всё время.

Светлана вытерла большой палец салфеткой: жир всё-таки просочился. Зоя протянула ещё одну.

— Спасибо. У вас новая девочка?

— Лариса. Мы ещё с техникума знакомы.

— Хорошо, когда есть с кем работать.

Она улыбнулась Ларисе и пошла к выходу. Перед дверью остановилась, вытащила из кармана телефон. Несколько секунд смотрела в него, потом повернула обратно к кассе.

— Зой, ты в четверг рано?

— К восьми.

— Я тебе пустые принесу. Два твоих контейнера у нас. Это я вспомнила, пока на своего ругалась.

— Да оставь пока.

— Нет, вымою и принесу. А то скоро кастрюлю возьмёшь вместо сумки.

Виталий через минуту вышел из служебной двери, потирая лицо.

— Зой, если она ещё будет спрашивать, что я ел, говори, что стекловату.

— Вы чего опять?

— Ничего. Стекловата, и всё.

Он подошёл к холодильнику, взял маленький пакет ряженки и встал в очередь за покупательницей с кормом для кошек. Зоя хотела пробить его сразу, но он отмахнулся.

— Я не начальник.

Лариса смотрела на пакет у него в руке.

— На таком далеко не уедешь, — сказала она.

Виталий засмеялся.

— Уже обучили?

— Быстро учусь.

У пакета оторвался уголок, но ряженка не лилась. Виталий прищурился, попробовал нажать и залил себе рукав.

— Красивые котлеты были, — заметила Лариса.

— Не начинай, — сказал он и пошёл за тряпкой.

Глава 4. До девяти

За две недели Лариса обзавелась в магазине собственной кружкой, расчёской в ящике и привычкой говорить «наши» про покупателей. Утром она спрашивала, приходил ли наш дедушка за творогом, вечером откладывала нашему курьеру булочку, которую тот забывал купить до закрытия. Зоя слушала и успокаивалась.

Глеб перестал интересоваться, как новая справляется. Это было его обычной похвалой: если человек не создавал заметных проблем, он становился частью оборудования. Оборудованию говорили, когда оно ломалось.

— Смотри, привык, — сказала Зоя подруге.

— К чему?

— К тебе.

— Надеюсь, не слишком. А то забудет платить.

Лариса уже получила первый расчёт за отработанные дни. Сумму Зоя знала, потому что помогала сверить часы. Подруга сунула конверт в сумку, не пересчитав при Глебе, а потом дважды пересчитала в комнате персонала.

Во вторник, четырнадцатого октября, с утра шёл дождь. Он переставал минут на двадцать, и в эти двадцать минут в магазин приходили сразу все. Потом снова начинало лить, люди задерживались в тамбуре, покупали по второму пакету, чтобы закрыть сумки, и ругали небо так, будто оно было ещё одним местным начальником.

Вера Ильинична не вышла: у неё поднялось давление. Зоя узнала об этом в половине седьмого утра и сначала сказала: «А вчера нельзя было предупредить?» Потом услышала паузу в трубке и извинилась.

Олег за завтраком заметил:

— У неё, наверное, будильник на давление не завёлся.

Зоя бросила в него кухонным полотенцем. Он поймал и вытер руки, хотя руки были сухие.

Пришлось переставлять людей. Юлия собиралась уйти в семь, но согласилась остаться до закрытия. Лариса должна была работать в зале и помогать ей. Зоя обещала уйти не позже половины девятого: Олег должен был подъехать за ней, они хотели съездить к его отцу и отвезти лекарства. Отец жил на другом конце города, звонить ему после десяти было бесполезно — он выключал телефон вместе с телевизором.

— Я сама закрою, — сказала Лариса.

— Не сама. С Юлей.

— Я её не выгоняю.

— И Виталик будет. Ему холодную машину принять.

Лариса перестала считать мелочь.

— Сегодня?

— Перенесли. Глеб утром сказал.

— Поздно?

— Как приедет. Водитель обещал до девяти.

— Водители всегда обещают.

Она вернулась к монетам. Зоя ушла проверять холодильник, который с ночи показывал температуру выше обычной. Виталий уже стоял возле него на коленях, держа маленький фонарь зубами.

— Не лезь, — сказала Зоя. — Глеб мастера вызовет.

Виталий вынул фонарь.

— Я пыль убрал. От пыли диплом не нужен.

— Всё равно.

— Да ничего я не кручу. Посмотри сама.

Она наклонилась. Под нижней решёткой действительно лежал серый войлок из пыли, волос и бумажных крошек. Виталий собрал его на совок.

— Вот кто у нас молоко пьёт, — сказал он.

— Красивый зверь.

— Породистый. Один хозяин.

Его телефон лежал рядом на полу экраном вверх. Зоя увидела сообщение: «Ключ у соседки. Только до восьми». Отправителя не успела прочитать. Виталий перевернул телефон.

— Ты куда-то собирался? — спросила она.

— Собирался. Теперь машину ждать.

— Глебу скажи.

— Сказал.

— И?

— Ты его знаешь.

Зоя посмотрела на часы. Было ещё утро; день впереди казался большим, как незаполненная ведомость.

— Успеешь, может. До восьми уйдёшь, мы примем.

— Ты сама уходишь.

— Я Олегу скажу.

— Не надо, Зой.

Он поднялся с пола, медленно распрямляя спину.

— Один раз уже всем сказал, теперь сам буду.

Она не поняла, к чему он это. Хотела переспросить, но Юля позвала к кассе: у покупателя списались деньги, а чек не вышел.

* * *

Около двух к служебному входу пришёл молодой мужчина. Зоя видела его через окно приёмочной: короткая куртка, непокрытая голова под дождём, пластиковый стаканчик кофе. Он не стучал, только стоял и смотрел в телефон.

Лариса подошла к окну, махнула ему.

— Стёпка. Можно я на пять минут?

— Через зал выйди, — сказал Виталий.

— Да я ему ключи отдам.

— Через зал.

Лариса тихо выдохнула носом, но пошла к передней двери. Зоя осталась разбирать товар. Она слышала, как подруга говорит Степану, что Нина будет дома после шести. Потом они отошли, и слов стало не разобрать.

— Чего ты? — спросила Зоя Виталия.

— Чего я?

— Через зал. Человек мокнет.

— Передний вход на месте. Вчера проверял.

— Это её племянник.

— А задвижке всё равно, чей он племянник.

Он поднял тяжёлую коробку, поставил на нижнюю полку. Зоя услышала, как хрустнул картон под его пальцами.

— Злая у тебя работа, — сказала она.

— Работа нормальная. Спина злая.

Когда Лариса вернулась, у неё промокли волосы возле висков. Она вытерла их бумажным полотенцем и спросила, не найдётся ли лишнего пакета.

— У него ключи в кармане плавают, — объяснила она.

— Какие ключи? — спросила Зоя. — Ты же отдавала.

— Нинины. Он свои дома оставил. Зой, тебе надо весь наш семейный быт?

— Да нет. Возьми пакет.

Лариса взяла маленький прозрачный пакетик и опять вышла.

Зоя вернулась к творогу. На накладной стояло сорок восемь пачек, в открытой коробке она насчитала сорок семь. Пришлось пересчитывать, и Степана за окном она больше не видела.

* * *

Глеб приехал в начале шестого. Мокрый воротник рубашки тёр шею, и он всё время поправлял его двумя пальцами. В кабинете он заговорил с кем-то по телефону и сразу повысил голос.

Зоя ждала в проходе, чтобы спросить про машину. Дверь была приоткрыта.

— Я тебе сказал, завтра, — говорил Глеб. — Нет, сегодня я ничего не дам. Ты меня слышишь вообще?

Он выслушал ответ, посмотрел на Зою и ногой придвинул дверь.

Через несколько минут вышел. В руке у него был небольшой пакет с фруктами.

— Ты до скольких?

— До половины девятого. Я утром говорила.

— Виталик остаётся?

— Он хотел уйти раньше. У него дела.

Глеб посмотрел в сторону приёмочной.

— У всех дела. Машину кто примет?

— Можно завтра утром.

— Нельзя завтра утром. Она уже выехала.

— Ну тогда пусть водитель не опаздывает.

— Я с ним поговорю.

Он прошёл к Виталию. Зоя не пошла следом. Слышала только короткое «нет», сказанное Виталием, потом более длинную речь Глеба, потом снова «нет». Раньше Виталий редко спорил. Последнюю неделю спорил через день.

Глеб вернулся раздражённый.

— Примет. Только проследи, чтоб не бросил.

— Я как прослежу, если уйду?

— Позвони потом.

Зоя промолчала. У неё было достаточно своих звонков на этот вечер.

Лариса появилась возле кабинета с пачкой чековой ленты.

— Здесь лишняя. Куда положить?

— В шкаф, — сказал Глеб. — И дверь закрой.

Он уехал, не забрав выручку. Зоя знала, потому что сама спросила: за два дня набралось больше, чем обычно оставляли на ночь. Глеб отмахнулся, сказал, что вернётся позже. Она не стала спорить. В последнее время каждый разговор о деньгах заканчивался тем, что он напоминал, чьи это деньги.

У кассы тем временем поднялся спор. Покупательница просила принять обратно три банки детской смеси. Чека у неё не было. Юлия повторяла, что ей нужно позвать старшую, а женщина отвечала, что старшая всегда где-нибудь ходит.

Зоя подошла и узнала молодую мать из соседнего дома. Та обычно приходила с коляской, но теперь была одна, в наспех надетой поверх домашней футболки куртке.

— Ребёнку другую прописали, — сказала она. — Я у вас в воскресенье брала. Спросите у неё.

Юля покачала головой. В воскресенье она не работала.

Лариса вышла из-за стеллажа.

— Я продавала. Вы ещё кашу брали. И салфетки, зелёную пачку.

Женщина с облегчением кивнула.

— Вот. Я же не с улицы принесла.

Зоя осмотрела банки: пломбы целы, срок тот же. Проверила цену и попросила подождать, пока найдёт покупку. Женщина при каждом звонке телефона вздрагивала. Сначала отвечала, потом просто нажимала красную кнопку.

— Там муж, — объяснила она без вопроса. — Не может успокоить. Говорю, поноси, а он: уже носил.

— А пока говорите, обе руки заняты, — заметила Лариса.

Женщина выдохнула что-то похожее на смешок.

— Именно.

На поиск ушло время. Покупка нашлась по сумме и товарам, но возврат завис. Лариса отвела женщину к стулу возле окна, налила воды. Зоя услышала, как они тихо обсуждают бутылочки: у какой неудобная крышка, у какой стираются деления. Своих детей у Ларисы не было, но с маленькой Асей она когда-то возилась охотно. Теперь подруга объясняла что-то уверенно, опираясь ладонями на край стола.

Когда деньги наконец вернули, женщина хотела сразу уйти, потом остановилась перед Ларисой.

— Спасибо, что вспомнили.

— Вы в воскресенье обручальное кольцо в салфетку завернули, чтобы кремом руки намазать. Я боялась, выбросите. Такое запомнишь.

Покупательница посмотрела на свою руку и впервые улыбнулась нормально, без извинения.

После её ухода Юля спросила, правда ли Лариса помнит все покупки.

— Конечно нет. На прошлой неделе шапку в холодильнике искала.

— Нашли?

— На голове. Но холодильник проверила первым, мало ли.

Зоя засмеялась вместе с ними. Из приёмочной Виталий крикнул, что водитель опять перенёс время, и пришлось звонить Глебу.

К половине девятого дождь прекратился. Зоя переоделась, проверила кассу вместе с Юлей и поставила в холодильник контейнер с недоеденным обедом.

— До завтра, — сказала она Ларисе.

— Счастливого съездить.

— Ты мне звякни, когда закроетесь.

— Звякну.

— И заднюю дверь...

— Дёрнуть. Я помню.

Лариса улыбнулась. Зоя ответила на улыбку и пошла в приёмочную попрощаться с Виталием. Он стоял у окна и говорил по телефону. Увидев её, прикрыл микрофон ладонью.

— Уходишь?

— Да. Долго тебе ещё?

— Не знаю. Позвонили, в пробке стоят.

— Ну, может, скоро.

Он кивнул и вернулся к разговору.

— Свет, я здесь. Приезжай, если надо... Нет. Я сказал, здесь.

Зоя вышла через зал. В тамбуре пахло мокрыми куртками и хлебом. На стекле висело объявление о продавце. Она остановилась, сняла его с двух полосок скотча и сложила вчетверо. Человек был найден.

* * *

К Олеговому отцу они не успели. Он сам позвонил, пока они собирались, и сказал, что лёг: соседка принесла лекарства, завтра можно не приезжать. По голосу было понятно, что обиделся.

Олег положил телефон на стол.

— Ну вот.

— Я вовремя пришла.

— Я вижу.

— Ты так сказал.

— Зоя, я сказал «ну вот». Два слова. Не надо туда всё остальное класть.

Они поужинали. По телевизору спорили о ремонте дорог. Олег переключил на фильм, который оба видели, но не помнили, чем он закончился. Зоя сняла носки и вытянула ноги на табуретку.

В десять минут десятого она написала Ларисе: «Как вы?»

Сообщение ушло. Ответа не было.

— Не мешай людям закрываться, — сказал Олег.

— Я не мешаю.

В начале одиннадцатого Зоя посмотрела в телефон снова. Экран оставался пустым. Она подумала о машине, о Глебе, который обещал приехать, о том, что надо было всё-таки остаться. Потом сама на себя рассердилась и положила телефон подальше.

Он зазвонил через несколько минут.

— Юля? Вы ещё там?

В трубке было шумно. Кто-то говорил рядом, почти кричал. Зоя села.

— Юль, я не слышу.

— Приезжайте.

— Что случилось?

Юля втянула воздух, как ребёнок перед плачем.

— Тут... Зоя Сергеевна, тут Виталик.

Олег выключил телевизор.

— Что с Виталиком?

— Не знаю. Его... Тут скорая. Нас не пускают.

— Куда не пускают? Юля!

В трубке раздался мужской голос:

— Девушка, уберите телефон пока.

Связь оборвалась. Зоя стояла посреди кухни с одним носком в руке. Второй никак не находился. Олег уже доставал ключи от машины.

— Куртку надень, — сказал он.

— Лариса там.

— Зоя, куртку.

Она натянула сапоги на босые ноги и побежала за ним к двери.

Глава 5. Свет в магазине

У «Клёна» стоял фургон с поднятой задней дверью. Зоя узнала машину поставщика раньше, чем заметила полицейскую. Обычно этот фургон являлся к половине десятого утра, и Виталик, ещё не сердитый, выносил водителю кружку кипятка. Сейчас из кузова торчала пустая деревянная палета. Она занимала половину освещённого проезда, как вещь, которую кто-то поставил на минуту и забыл.

Олег остановился у соседнего дома.

— Здесь посиди, я узнаю.

Зоя уже открывала дверь. Подошва сапога вывернулась на бордюре, и она схватилась за машину. Олег вышел следом, придержал её под локоть. Пальцы у него были тёплые, испачканные чем-то чёрным. Ещё час назад он разбирал на кухне старый телефон отца: отец жаловался, что аппарат сам включает громкую связь.

У входа стояли трое соседей. Зоя увидела знакомую вязаную шапку женщины, покупавшей каждый вечер одну булку, но не смогла вспомнить её имени. Женщина потянулась к ней.

— Зочка, что же у вас...

— Я не знаю.

Внутри горел весь свет, в том числе над молочным отделом, где по вечерам отключали крайний ряд ламп. Из-за этого магазин казался новым и пустым. Овощные ящики оставались на местах, напротив кассы лежала белая полоска. Зоя не сразу поняла, что это размотанный рулон чековой бумаги.

Молодой полицейский перекрыл вход.

— Вы куда?

— Я здесь работаю. Меня вызвали. Юля позвонила.

— Фамилия?

Она ответила и зачем-то добавила, что ключ у неё свой. Полицейский посмотрел на связку в её руке.

— Пока подождите здесь.

— Виталик где?

— Подождите, пожалуйста.

Он произнёс это уже твёрже. Зоя оглянулась на Олега, будто муж мог отменить чужое распоряжение. Тот убрал её ключи в карман своей куртки.

— Сейчас узнаем.

— Почему ты их взял?

— Чтобы не потеряла.

Зоя хотела возразить, но увидела Юлю. Та вышла со стороны двора вместе с женщиной в синей медицинской куртке. На плечи ей набросили серое одеяло. Лицо было целое, только у виска волосы слиплись в жёсткую тёмную прядь. Юля держала перед собой обе руки ладонями вверх, словно несла на них что-то, и боялась стряхнуть.

— Юль!

Девушка остановилась.

— Зоя Сергеевна.

Она не шагнула навстречу. Посмотрела на Зою, на Олега и вдруг спросила:

— А вы зачем приехали?

— Ты же звонила.

— Я?

Женщина в синем обернулась к стоявшему рядом полицейскому.

— Мы её забираем. Кто-нибудь из близких есть?

— Я поеду, — сказала Зоя.

— Мама едет, — тихо ответила Юля. — Мне сказали ей позвонить. Я, наверное, сначала вам.

Она посмотрела на свои ладони. На обоих запястьях были красные поперечные полосы. Одна рука дрожала сильнее другой, и Юля положила её сверху, прижала.

— Что с Виталиком?

Юля подняла глаза. Зоя поняла раньше, чем девушка открыла рот, и всё-таки ждала слов.

— Он там.

— Где?

— В подсобке. К нему нельзя.

Медик тронула девушку за плечо.

— Пойдём. Мы уже договорились.

— Я на него наступила, — сказала Юля. — Я не поняла, что это он. Там темно было. Я думала, коробки.

Она произнесла последнее слово сердито, как будто кто-то всё ещё убеждал её в глупой ошибке. Зоя потянулась обнять девушку, но та резко отшатнулась. Одежда сползла с одного плеча. Медик подхватила его, и они пошли к машине.

Зоя осталась с вытянутыми руками.

— Не трогай её сейчас, — сказал Олег.

— Я не...

Он ничего не ответил. Прижал ладонь к её спине и стоял так, пока Зоя не опустила руки.

Из-за дома вывели Ларису. Без одеяла, в расстёгнутой рабочей жилетке. Под ней белела блузка, которую они выбрали в воскресенье на маленьком рынке у вокзала. Лариса тогда сказала, что в серой похожа на крышку от кастрюли, и долго торговалась из-за затяжки под мышкой.

Теперь она шла чуть боком и смотрела на землю. Рядом двигался мужчина в тёмной куртке. Он не держал её, но когда Лариса остановилась, тоже остановился вплотную.

— Лара!

Подруга подняла голову. На правой щеке возле уха у неё виднелось красное пятно. Зоя рванулась вперёд; Олег придержал её, и она сердито выдернула локоть.

— Ты цела?

— Цела.

— Что случилось? Кто это сделал?

Лариса посмотрела на мужчину рядом.

— Потом, Зой.

— Куда тебя ведут?

— Поговорить надо, — ответил он. — Вы кто ей?

— Подруга. Мы вместе работаем.

— Ваши данные уже записали?

Зоя кивнула, хотя полицейский у входа спросил только фамилию.

— Хорошо. Не уходите пока.

— Лара, у тебя телефон есть?

— Есть.

— Почему не отвечала?

Подруга отвернулась. Мужчина показал ей на стоявшую у проезда машину. Лариса пошла, поправляя на ходу ворот блузки. Зоя увидела, как она два раза промахнулась пальцами мимо пуговицы.

— Её ударили, — сказала Зоя Олегу. — Смотри, у неё щека.

Он смотрел вслед Ларисе, но не ответил.

На заднем сиденье машины Лариса сразу согнулась, спрятав лицо за передним креслом. Дверца закрылась. Машина не уехала: человек в тёмной куртке остался снаружи разговаривать по телефону.

Соседи у магазина притихли. Кто-то подошёл с собакой, маленькой лохматой, и собака долго нюхала мокрый бордюр. Хозяин не торопил её. Зою разозлило это спокойное ожидание: он вывел собаку затем, чтобы посмотреть, а теперь мог изображать, будто оказался тут случайно.

— Уходите отсюда, — сказала она.

Мужчина поднял голову.

— Это вы мне?

Олег шагнул между ними.

— Пойдём к машине.

— Нам сказали не уходить.

— Я рядом поставил.

На пороге показалась Светлана Веденина. Зоя сперва увидела её сумку: знакомую коричневую, с двумя золотистыми кольцами вместо креплений. Сумка была раскрыта. Из неё торчал синий пакет, а снаружи висела одноразовая перчатка, зацепившаяся за молнию.

Светлана прижимала к груди другую руку. На ней был белый бинт.

Рядом с ней шёл широкоплечий мужчина в клетчатой рубашке под курткой. Он слушал молча, пока Светлана говорила ему что-то торопливо и негромко. Увидев Зою, она остановилась посреди дверного проёма.

— А вот и она.

Мужчина в клетчатой рубашке посмотрел на Зою.

— Вы Берестова?

— Да. Я хотела... Свет, что с Виталиком?

— Что с Виталиком?

Светлана повторила её вопрос раздельно, почти по слогам. Потом сунула сумку мужчине. Он машинально взял её за ручки.

— Убит Виталик. Убит. Понимаешь?

Зоя смотрела на выпавшую из сумки перчатку. Та прилипла к сырому асфальту, и внутри одного пальца остался воздух.

— Не надо сейчас, — сказал мужчина.

— А когда? Когда ей надо? Она привела, она устроила, она поручилась. Хорошая у неё подруга! Всех она знает!

— Света, — начала Зоя.

— Не смей.

Светлана шагнула к ней. Олег выставил руку, но она не попыталась ударить. Просто стояла очень близко, так что Зоя чувствовала запах её мокрого шарфа и аптечного раствора.

— Ты хоть видела, кого к нам привела?

— Их ограбили. Ларису тоже ударили.

— Её ударили!

Светлана засмеялась. Звук был короткий, сиплый. Она повернулась к мужчине в клетчатой рубашке.

— Вы слышите? У неё Ларису ударили. А муж мой лежит. Трое их было. Трое. Ещё одного ищите, не только этих.

— Мы это обсудим, — сказал мужчина. — Светлана Геннадьевна, отойдём.

— Обсудим. Всё обсудим. Мужа только не вернёте.

Она взяла у него сумку здоровой рукой и отошла к полицейской машине. Шла прямо, не придерживаясь ни за стену, ни за чужое плечо. Сделав несколько шагов, оглянулась на потерянную перчатку, но возвращаться не стала.

Зоя обнаружила, что дрожит. Зубы стучали так сильно, что она сжала челюсти обеими ладонями.

— Сядем, — сказал Олег.

Мужчина в клетчатой рубашке подошёл к ним.

— Артём Крестов, следователь. Вы сегодня до какого времени работали?

Зоя назвала половину девятого. Крестов переспросил, точно ли, и она достала телефон: в восемь двадцать семь Олег написал «Подъехал». Значит, вышла примерно в половине.

— Кто оставался?

— Юля. Лариса. Виталий.

— Светланы Ведениной не было?

— При мне нет.

— Хозяин магазина?

— Уехал раньше.

— Фамилия?

Она назвала Глеба, его номер, домашний адрес. Крестов остановил её на адресе.

— Номер достаточно.

— А он знает?

— С ним связываются.

Из двора вырулил второй автомобиль скорой. Он ехал медленно, чтобы объехать фургон поставщика. Зоя приподнялась на носки, пытаясь разглядеть кого-то сквозь стекло. Крестов подождал.

— Скажите, — попросила она. — Что произошло? Лариса при чём?

— Сейчас устанавливаем обстоятельства.

— Она работала. Она там второй день одна... Не одна. Я не так... Вторую неделю. Она не могла...

— Чего именно она не могла?

Вопрос прозвучал без нажима. Крестов даже чуть наклонил голову, ожидая, что Зоя закончит.

Она не знала, чем закончить.

— Не знаю, — сказала наконец. — Я ничего не знаю.

— Тогда пока об этом и будем говорить. Вы её рекомендовали?

— Да.

— Давно знакомы?

— С семнадцати лет.

— В последнее время часто виделись?

— Она уезжала. Потом мать болела.

— Я спрашиваю, часто ли виделись.

— Нет.

Крестов достал из кармана карточку, написал на обороте время и номер кабинета.

— Завтра к десяти. Сегодня ещё могут уточнить у вас кое-что по работе магазина. Телефон оставьте доступным.

Он протянул карточку Олегу: руки у Зои всё ещё были возле лица.

— А сейчас мне куда?

— Домой. Если самочувствие плохое, здесь врачи.

— Я нормально.

— Хорошо.

Он вернулся к входу. Там уже ждал человек с большим плоским чемоданом. Они обменялись несколькими словами и скрылись за стеклянной дверью, на которой остался светлый прямоугольник от снятого объявления.

Олег отвёл Зою к машине. Она села, не сняв сумку с плеча, и уставилась на собственные ноги. На одном сапоге сбоку шёл засохший белый след от соли, оставшийся ещё с прошлой зимы. Она собиралась оттереть его в выходной и забыла.

Муж включил обогрев. Сам за руль не сел, стоял рядом с открытой дверью, прикрыв её корпусом от ветра.

— Носки хоть надо было надеть, — сказал он.

Зоя посмотрела на него и заплакала.

Негромко, без слов. Слезы текли по щекам и шее, за ворот футболки. Олег полез в бардачок за салфетками, вытряхнул оттуда парковочные квитанции, зарядку, пакетик сахара. Нашёл пачку, разорвал слишком резко, и несколько салфеток упали Зое на колени.

— Я его оставила, — сказала она.

— Зой.

— Я могла остаться. Всё равно никуда не поехали.

— Ты не знала.

— Сидели дома кино смотрели.

Олег закрыл бардачок. На пальце у него висела бумажная полоска от пачки салфеток.

— И тебя могли там...

Он не договорил. Зоя вдруг увидела его лицо: серое, злое, совершенно чужое. Он смотрел на яркое окно магазина так, будто собирался пойти туда и кого-то вытащить.

Она взяла его за руку.

В полицейской машине, куда посадили Ларису, загорелся салонный свет. Подруга сидела теперь прямо, рядом с ней устроилась женщина. Зоя видела через два лобовых стекла маленькое неподвижное лицо. Ей захотелось позвонить, сказать, что они рядом, что сейчас всё объяснится.

Телефон лежал у неё в сумке. Она достала его.

Последним в переписке оставалось её собственное сообщение: «Как вы?»

Под ним появились две синие отметки.

Лариса прочитала. Но не ответила.

Глава 6. Что она знала

Утром Зоя трижды набрала номер Веры Ильиничны и трижды сбросила вызов, не дожидаясь гудка. В четвёртый раз Вера ответила сразу.

— Чего молчишь?

— Я ещё ничего не сказала.

— В смысле с ночи. Мне Липатова звонила. Из сороковой квартиры. У неё спальня во двор.

Зоя стояла у кухонного окна. Во дворе дворник поднимал мокрые листья широкой лопатой. Они слипались в тяжёлые пласты и не хотели сползать с металла.

— Виталик умер, — сказала она.

Вера помолчала.

— Да.

Зоя не ожидала, что ей ответят так просто. Она всю ночь готовилась к этому звонку, подбирала, чем начать, и теперь приготовленные слова мешали.

— Ты как?

— Давление опять. В шесть таблетку выпила. Сажу.

— Может, скорую?

— Дочь здесь. Ты про Юлю скажи.

Зоя рассказала то, что видела. Про Ларису не успела: Вера спросила сама.

— А Титова где?

— Не знаю. Телефон выключен.

— Понятно.

— Что тебе понятно?

— Мне пока ничего. Глеб звонил, сказал не выходить, ждать.

— Он и тебе звонил?

— В семь. Тебе нет?

Зоя посмотрела на экран. От Глеба не было ни пропущенного вызова, ни сообщения. Зато пришли две фотографии от поставщика молока: накладная на четверг и новый прайс. Под фотографиями стояло весёлое «Доброе утро!»

— Может, думал, ты знаешь, — сказала Вера.

— Может.

— Зой, не цепляйся сейчас. Мне даже говорить тяжело.

После разговора Зоя написала поставщику: «Магазин пока закрыт. Доставку не делайте. Позвоните владельцу». Потом стёрла первые две фразы. Она не знала, закрыт ли он надолго и кто имеет право отменять заказ. Отправила только просьбу связаться с Глебом.

Олег принёс из комнаты джинсы.

— Эти надень. У тех на коленке пятно.

— Я вижу.

— Зой, я не командую. Просто взял.

Он положил джинсы на стул. На нём самом была рабочая кофта. В девять ему надо было ехать к женщине на другой конец города, у которой машина остановилась с водой и постельным бельём. Он договорился перенести визит, но та перезвонила в половине восьмого: воду сама не сольёт, муж после операции, завтра приезжают родственники.

— Иди, — сказала Зоя. — Я на автобусе.

— До десяти отвезу, потом к ней.

— Не надо из-за меня всем...

— Да я рядом буду.

Он вышел в коридор за курткой. Зоя сняла с подоконника его остывшую чашку, сполоснула и налила свежий чай. Муж вернулся, взял чашку обеими руками. Несколько минут они стояли у стола, не садясь.

Ася вышла с мокрыми после душа волосами. На груди у неё была большая нарисованная рыбина: старая футболка, которую она носила дома, хотя рукав давно разошёлся по шву.

— Тётя Лариса отвечала?

— Нет.

— Я тоже написала.

Зоя резко подняла голову.

— Зачем?

— Спросить, как она.

— Не пиши ей пока ничего.

Ася посмотрела на отца, потом снова на мать.

— Почему?

Зоя собиралась сказать, что Ларисе сейчас не до сообщений. Вместо этого ответила:

— Потому что я прошу.

Дочь стянула с запястья резинку и начала собирать волосы. От слишком тугого движения у неё натянулась кожа на висках.

— Она мне вчера не ответила. Я думала, вечером работает. А оказывается, там...

— Ась, — тихо сказал Олег.

— Я понимаю. Я просто сказала.

Ася ушла обратно в ванную. Зоя услышала, как щёлкнул замок, хотя дочь почти никогда не закрывалась. Она вытерла стол сухой тряпкой, повесила её на край мойки и тут же перевернула: так вода капала на пол.

В приёмной, куда её направили по карточке Крестова, стоял запах мокрых курток. Возле стены сидела женщина с подростком. Подросток рисовал пальцем круги на запотевшем окне, и мать каждый раз отводила его руку. Он ждал минуту и начинал снова.

Зоя приехала рано. В половине десятого ей позвонил Глеб.

— Где ты?

Она объяснила.

— Понятно. У меня с девяти тут.

— Ты тоже здесь?

— В другом месте. Слушай, если будут спрашивать про деньги, ты точных сумм не знаешь.

— Что?

— Ты же не знаешь. Я сам снимал остатки. Не надо ничего придумывать.

Зоя встала со скамьи и отошла к пустому участку стены.

— Какие деньги, Глеб? Виталик...

— Я знаю про Виталика.

— Ты с его женой говорил?

— Говорил.

— И?

— Что «и»? Зоя, ты сейчас где сидишь? Люди рядом?

Она посмотрела на женщину с подростком. Та повернула голову к окну.

— Слушай меня внимательно, — сказал Глеб. — Кассовые отчёты есть. Всё остальное надо проверять. Сказать лишнее легко. Потом доказывай, что перепутала. И про вчерашнюю машину. Не я её задерживал. Они со склада поздно вышли.

Зоя прислонилась к стене. Краска под пальцами была холодная и гладкая.

— Ты поменял доставку на вечер.

— Потому что утром не влезала. Это обычная работа.

— Я помню.

— Ну и не делай из этого чёрт знает что. Перезвони, когда выйдешь.

Он отключился. Зоя ещё немного подержала телефон у уха. Подросток нарисовал на стекле большой глаз, и мать на этот раз не стала ему мешать.

Крестов вышел ровно в десять. Вчера в клетчатой рубашке он казался моложе; сегодня на нём была однотонная тёмная, а на щеках проступала щетина. Он поздоровался и проводил Зою в кабинет.

На столе лежала папка с несколькими листами. Никаких фотографий магазина она не увидела. Крестов предложил ей стул, уточнил данные, объяснил, в каком качестве с ней разговаривают, и попросил начать со вчерашнего дня.

Зоя начала с Вериного звонка. Крестов не торопил. Когда она рассказала, что Лариса пообещала закрыть заднюю дверь, он попросил повторить точные слова.

— Я сказала, что дверь надо дёрнуть. Проверить, закрылась ли.

— Почему напомнили именно вчера?

— Она недавно работает.

— До этого дверь плохо закрывалась?

— Она тяжёлая. Доводчик есть, но если коробку поставят... Виталик следил. Он всегда следил.

— Ключ у Титовой был?

— От передней двери да. От задней... Там изнутри можно. Ключи у Виталика. У Глеба. У меня тоже комплект.

— Вчера вы свой кому-нибудь передавали?

— Нет.

— Точно?

Она хотела возмутиться, но вспомнила, как в сентябре оставила связку на весах и полчаса искала в сумке. Вчера она положила её в карман жилетки ещё утром, потом достала перед уходом. Передавала ли раньше? Ларисе однажды давала открыть шкаф с запасными пакетами. В тот день ключи были на одной связке.

Зоя рассказала об этом тоже.

— Когда?

— На прошлой неделе. Кажется, в четверг. Я могу ошибаться.

— Так и запишем.

Зоя расправила на коленях сумку, которую всё это время держала смятой.

Они прошли весь вечер. Отсутствие Веры. Лишняя смена Юли. Поздняя поставка. Глебов отъезд. Телефонный разговор Виталика с женой. Зоя точно повторила «Приезжай, если надо», потом добавила, что не слышала начала разговора.

— Были у Веденина конфликты с кем-нибудь на работе?

Зоя подумала о Руслане. Тот работал у них весной и часть лета. Сначала нравился Глебу: молодой, таскает быстро, не считает минуты. Потом они всё чаще ругались из-за денег. В последний день Руслан швырнул на пол связку ключей, ударил Глеба плечом и ушёл. Виталик тогда выхватил у него из руки металлическую стойку от ценников. Зоя не видела, собирался ли Руслан ею ударить или просто схватился, когда Глеб перегородил проход.

Крестов спросил фамилию. Зоя назвала.

— Вы его после увольнения видели?

— Один раз в сентябре. Он к Глебу заходил.

— О чём говорили?

— Без меня.

— А Титова его знала?

— Она тогда ещё не работала.

— Это я понял. Могли быть знакомы раньше?

Зоя замолчала.

— Не знаю.

Слово пришлось произнести ещё несколько раз. Не знала, на что Лариса потратила деньги от квартиры. Не знала, где она жила в последний год, кроме кратких сообщений про мать. Не знала, почему племянник приехал к магазину днём.

— Племянник? — переспросил Крестов.

Она увидела, как он остановил ручку над листом.

— Степан. Сын её сестры. Она ему ключи передавала.

— Вы сами видели передачу?

— Нет. Он ждал снаружи. Лариса сказала.

— Опишите его.

Зоя описала куртку, светлые волосы, пластиковый стакан в руке. Возраст назвала со слов Ларисы. Потом добавила, что раньше видела его ребёнком и теперь на улице могла бы не узнать.

Крестов записал это медленнее, чем предыдущие ответы.

— Вы можете связаться с сестрой Титовой?

— Номер у меня есть. Старый, правда.

Она открыла контакты. Рядом с Ниной до сих пор стояла пометка «Лара, сестра, Мама». Когда-то номер понадобился, чтобы узнать адрес больницы, где лежала их мать. Зоя протянула телефон Крестову и почувствовала себя так, будто выдала чужой домашний ключ.

— Степан там был? Вечером? — спросила она.

— Я сейчас спрашиваю о том, что видели вы.

— Я понимаю. Просто... Лариса задержана?

Крестов посмотрел на неё.

— С Титовой работают. Если она захочет передать вам просьбу через защитника, с вами свяжутся. Самостоятельно выяснять, что ей говорить, не нужно.

Зоя выпрямилась.

— Я не собиралась ей подсказывать.

— Хорошо.

Она услышала в его ответе не извинение, а точку. Она сцепила руки на коленях и больше не пыталась узнать, что сказала Лариса.

В конце Крестов дал ей прочитать записанное. Зоя читала долго. В одном месте получалось, будто она утверждает, что Степан забирал ключи. Она попросила исправить: это сказала Лариса. В другом стояло «около двадцати часов тридцати минут»; Зоя оставила, потому что точнее не помнила.

Глебов звонок она упомянула уже перед тем, как подписать.

— Он утром просил не называть сумму денег, которой я не знаю.

— А вы её знаете?

— Точную нет.

— Тогда в чём вопрос?

Зоя стиснула ручку.

— Ещё просил про машину сказать, что задержали на складе. Но доставку на вечер поставил он. Виталик хотел уйти.

Крестов отложил лист.

— Давайте это уточним.

Когда Зоя вышла, Олег ждал у входа в машине. На пассажирском сиденье лежал разобраный сливной насос в прозрачном пакете. Муж торопливо переложил его назад.

— Успел? — спросила она.

— Успел. Резинка от трусов попала. За пять минут вытащил, час воду собирал. Зоя села и застегнула ремень. Олег не заводил двигатель.

— Есть что-нибудь?

Она рассказала про Степана. И про то, как Крестов замер с ручкой в руке.

— Может, это ничего не значит, — сказал муж.

— Может.

— Ты есть хочешь?

— Нет.

Он достал из кармана две ещё тёплые булочки в бумаге. Одну положил ей на колени, вторую оставил себе.

Зоя отломил край. Внутри оказался творог, сладкий, с изюмом. Она всегда выковыривала изюм. Сейчас съела, не заметив.

Потом набрала Нинин номер. Гудки шли долго. Зоя уже собиралась закончить вызов, когда сестра Ларисы ответила.

— Ты зачем Стёпу назвала?

Зоя перестала жевать.

— Что?

— Тебя спросили? Или ты сама решила? Всю жизнь во всё лезешь, Зоя. Хоть раз можно было не лезть?

— Нина, я его видела. Меня спрашивали, кто приезжал.

— Вот и сказала бы: человек приезжал. Мало ли кто.

В трубке что-то громко упало. Нина выкрикнула в сторону: «Не трогай, я сама!» — и вернулась к разговору.

— Лариска тебя просила передать. Если позвонишь. Говорит, ничего не подписывай, пока не вспомнишь нормально. Ты же вечно сначала уверена, потом ошиблась.

— Она так сказала?

— Это я тебе говорю. Ты понимаешь, что они на него повесят?

Зоя посмотрела на Олега. Он так и не донёс булочку до рта.

— Что, Нин?

— Убийство. Господи, да у тебя там человек умер. Стёпа его не убивал. Он вообще...

Нина оборвала себя.

Связь закончилась. Зоя ещё некоторое время слышала её голос — не из телефона, а будто из соседней комнаты: «Он вообще».

Она положила недоеденную булочку в бумагу.

Никто не сказал, что Степана там не было.

Глава 7. Не все деньги

Нина жила на пятом этаже дома без лифта. Зоя знала это и всё-таки удивилась, когда лестница после четвёртого повернула ещё раз. На площадке стоял трёхколёсный велосипед с выцветшей ручкой. В корзинке лежали два грязных яблока.

Она не предупредила о приезде. После оборвавшегося звонка сидела в машине, сжимая бумагу от булочки, пока Олег не спросил, куда ехать.

— К Нине.

— Ты сейчас с ней поругаешься.

— Я хочу понять, что случилось.

— Она скажет?

— Не знаю.

Муж не стал спорить. Высадил её возле дома, потому что на стоянке не нашлось места, и уехал искать дальше. На лестнице Зоя подумала, что стоило попросить его подняться вместе с ней. Теперь возвращаться было глупо.

Дверь открылась раньше, чем она нажала звонок второй раз. Нина стояла в зелёном домашнем платье. Волосы были стянуты в маленький хвост на затылке, возле уха торчала забытая заколка.

— Ну конечно. Самолично.

— Можно войти?

Нина отступила.

В прихожей пахло кошачьим кормом и стираным бельём. На полу валялись мужские кроссовки, одна пара чистая, другая в засохшей глине. Зоя машинально поставила свой сапог рядом, чтобы не наступить на развязанные шнурки.

— Не разувайся, — сказала Нина. — Тут и без тебя натоптали.

Из комнаты выглянул рыжий кот с Ларисиной фотографии. Он посмотрел на Зою, медленно зевнул и ушёл обратно. На дверном косяке осталась полоска шерсти.

Зоя хотела спросить, где Ларисины вещи. Вместо этого сказала:

— Я никого специально не называла. Рассказала, что видела.

— Молодец.

— Нин.

— Не нинкай. Я с четырёх утра не сплю. Пришли, всё перевернули. Бельё вытряхнули. Мамину коробку. Там свидетельство о смерти, фотографии — всё на полу. Кот под ванной до девяти сидел.

Зоя посмотрела в комнату. На диване действительно лежали раскрытые папки, одежда, старая жестяная банка из-под печенья. Сверху на банке помещалась фотография двух девочек в одинаковых шапках. Лариса была младшей; Зоя узнала её по нахмуренным бровям.

— Степана забрали?

— Забрали.

— А Лариса?

— Она не приходила. Адвокат звонил. Чужой человек мне говорит, где моя сестра.

Нина пошла на кухню, не приглашая Зою следом. Та постояла и пошла сама.

На столе стояли три чашки. В одной плавал пакетик, две были сухие, с одинаковыми чайными следами по краю. Возле плиты лежал нож на доске с нарезанным хлебом. Зоя вдруг вспомнила Виталика, его привычку вытирать лезвие о бумажную салфетку даже после хлеба, и отвела взгляд.

— Он туда зачем пошёл?

— Не знаю.

— Ты же сказала, он не убивал.

— Для этого мне не надо знать всё до последней пуговицы.

Нина открыла шкаф, закрыла, снова открыла. Достала сахарницу и поставила на стол так резко, что крышка подпрыгнула.

— Стёпа работает. На стройке, доставки берёт. Он не бандит.

— Я видела его вчера возле магазина. Он с Русланом знаком?

Нина замерла.

— С каким Русланом?

— Овсянниковым. У нас работал.

— А я откуда знаю всех его знакомых?

Ответ прозвучал слишком быстро, но Зоя не стала указывать на это. Она села на край табурета. Нина осталась стоять.

— Я хочу Ларисе помочь. Только не понимаю, в чём.

— Ей сейчас деньги нужны.

— На адвоката?

— И на него тоже.

— Что значит «тоже»?

Нина потёрла ладонью щёку. У сестёр было одно и то же движение: пальцы сначала шли к виску, затем вниз, как будто лицо можно было пригладить.

— Долги у неё. Ты не знала?

— Она говорила про мать.

— Конечно, про мать. Очень удобно. Мама уже ничего не скажет.

Зоя подняла глаза.

— Ты что сейчас говоришь?

— Что слышишь. Я деньги переводила. Каждый месяц. А она мне потом предъявила за сиделок, за такси, за лекарства. Будто я развлекалась, пока она одна.

— Ты ведь далеко жила.

— Я и сейчас здесь живу. У меня сын, работа. Я не могу всё бросить, потому что Лариска опять решила, как правильно.

Зоя хотела напомнить, что мать нельзя было оставить одну. Но сразу представила, как будет сидеть на чужой кухне и судить двух сестёр по нескольким старым сообщениям. Вчера этого умения ей вполне хватало.

— Квартиру продали, — сказала она. — Долги не закрылись?

— Ты у неё спроси.

— Я не могу.

Нина села напротив. Вблизи она казалась старше своего возраста. Кожа под глазами была тонкая, почти прозрачная.

— Она хотела отделиться. Всё своё. Комнату нашла, хозяйке пообещала. Та ещё за два месяца вперёд запросила. Тут же ей плохо. Кот ходит, Стёпа ночью приходит, я разговариваю не так.

— Она тебе так сказала?

— Она ничего прямо не говорит. Ходит, губы подождёт. Чужой человек скажет — посмеётся. Я скажу — обиделась.

Из комнаты донёсся звук упавшей папки. Нина крикнула коту по имени, встала, но не пошла. Постояла возле стола и опять села.

— Сколько ей нужно было? — спросила Зоя.

— Не знаю. Тысяч семьдесят, восемьдесят. Может, больше. Она точного не говорила.

Зоя представила Ларису с первым конвертом зарплаты. Та дважды пересчитала купюры, и Зоя решила, что ей приятно получить свои деньги. Это могло быть правдой. Но могло означать и другое: сколько ещё не хватает.

— А Степану?

— Что Степану?

— Деньги были нужны?

Нина откинулась назад.

— Всем деньги нужны. Тебе не нужны?

В прихожей зазвонил Зоин телефон. Она не сразу поняла, почему так далеко: оставила сумку на тумбе, когда входила. Нина встала быстрее, принесла сумку и положила перед ней.

— Вот. Забирай. Я не хочу сейчас.

Звонил незнакомый номер.

Мужчина представился Максимом Леонидовичем Егоровым, адвокатом Ларисы Титовой. Спросил, может ли Зоя разговаривать. Она посмотрела на Нину.

— Могу.

— Мне Лариса Аркадьевна передала ваш номер. Ей нужны некоторые вещи. Я вам перечислю, а порядок передачи отдельно уточним. И ещё она просит вас не приезжать к её сестре.

Зоя закрыла глаза.

— Я уже здесь.

На другом конце провода возникла короткая пауза.

— Тогда прошу не обсуждать обстоятельства дела с её родственниками. Особенно не передавайте друг другу, кто что сказал на допросе.

— Я не собираюсь ей мешать.

— Я этого и не сказал.

Зоя встала. Нина молча показала в сторону прихожей.

На площадке было холодно. Зоя прижала телефон к уху и спустилась на полпролёта, чтобы не стоять под чужой дверью.

— Лариса задержана?

— Да.

— Она что-нибудь просила мне сказать?

— Просила, чтобы вы не обещали никому за неё деньги.

Зоя посмотрела на велосипед через лестничную решётку. Одно яблоко выпало из корзинки и лежало у переднего колеса.

— Какие деньги?

— Возмещение ущерба. Оплату защиты. Любые деньги. Решайте только за себя, если к вам кто-либо обратится. Это её просьба.

— А больше?

Адвокат помолчал.

— Ещё она просила передать: она знала о намерении забрать деньги из магазина. Знала до вчерашнего вечера. Её собственные слова: «Пусть Зоя не ходит и не говорит, что я ни при чём».

Зоя упёрлась ладонью в перила. Краска была липкой от сырости.

— Я не понимаю.

— Это всё, что я могу передать с её согласия. Подробности сейчас обсуждать с вами не буду.

— Она открыла им дверь?

— Зоя Сергеевна.

— Там Юля. Там Виталик. Она же знала, что они остались.

На верхней площадке щёлкнул замок. Зоя обернулась. Нина стояла в проёме и смотрела на неё, держась за край двери.

— Я пришлю список, — сказал адвокат. — И свой адрес. Можете передать вещи через меня, если вам удобнее. Но сначала свяжемся и договоримся.

Он попрощался. Зоя убрала телефон в сумку, не попав с первого раза в открытый карман. Нина ничего не спросила.

— Ты знала? — сказала Зоя.

— Что?

— Что она помогла им.

— Я ничего не знала.

— Сейчас. Утром.

— Я знаю, что мой сын не убийца. Больше мне пока знать не надо.

Зоя медленно поднялась на несколько ступенек. Между ними оставалась решётка перил.

— Мне надо.

Нина отвела взгляд.

— Ну так разбирайся. У тебя же всё получается. Ты и работу ей нашла. И жизнь ей наладила.

Дверь закрылась. Зоя несколько секунд смотрела на круглую царапину возле замка. Потом подняла упавшее яблоко и положила в корзинку велосипеда.

На улице она прошла мимо Олеговой машины. Муж окликнул её, и она остановилась посреди тротуара.

— Я здесь.

Она подошла и села. Долго возилась с ремнём; Олег потянулся помочь, но она покачала головой. Наконец пряжка щёлкнула.

— Лариса знала, — сказала Зоя.

Муж молчал.

— Заранее знала, что придут за деньгами. А я ей ключи дала. За стол посадила. Аська ей свои рисунки показывала.

— Рисунки тут при чём?

— Не знаю!

Зоя ударила ладонью по колену. Получилось больно, и она схватила себя за запястье.

— Я не знаю, Олег. Всё при чём. Всё.

Он повернул ключ в замке зажигания, но с места не тронулся.

— Куда?

Она хотела сказать «домой». Потом вспомнила Виталикову кружку на верхней полке, белую отбитую полоску на жёлтом краю. И Светлану с сумкой у входа. Зоя объясняла ей ночью, что Ларису тоже ударили. Как будто это могло вернуть мужа или хотя бы заставить женщину говорить тише.

— В магазин.

— Он закрыт.

— Мне надо у Глеба спросить, как найти Светлану.

— Зачем?

— Потому что я ей вчера врала. Даже не зная.

Олег посмотрел на неё и выехал со стоянки.

По дороге пришёл список от адвоката. Зоя открыла его. Бельё, носки, вещи без шнурков; про остальное — после уточнения. В самом конце отдельной строкой стояло: «Очки для чтения. В коричневом футляре».

Она не знала, что Лариса носит очки.

Глава 8. За закрытой дверью

Глеб стоял у витрины и разговаривал с мужчиной в куртке поставщика. Тот держал в руках пачку бумаг, прижимая её к животу. С верхнего листа медленно стекала вода.

— Я товар увёз обратно, — говорил мужчина. — Что мне теперь с вашей подписью делать?

— Позвонишь кладовщику.

— Мне кладовщик сказал ехать сюда.

— Я здесь чем тебе помогу?

Зоя вышла из машины. На двери висел написанный от руки лист: «По техническим причинам». Слова «до обеда», приписанные внизу другим почерком, были густо зачёркнуты. Зоя узнала свои буквы на верхних двух строках: эту бумагу держали в кассе на случай, если отключат воду.

— Товар-то приняли? — спросила она.

Водитель посмотрел на неё с облегчением.

— Виталий принял. Подписал. Мы разгрузили, только он обратно половину велел вынести: не ту позицию прислали. Я вывез на тележке, поехал бы уже, а тут...

Он замолчал, кивнув на закрытую дверь.

— Всё потом, — сказал Глеб. — Не здесь.

— Мне потом за недостачу выставят. Я не для удовольствия.

Зоя знала водителя по имени — Пётр, — но сейчас он сам представился Глебу, словно они встречались впервые. Глеб потёр лоб.

— Пришли мне фотографии. Я разберусь.

— Я вчера присылал.

— Ещё раз пришли.

Пётр засунул бумаги под куртку, посмотрел на Зою и тихо сказал:

— Я Юлю домой хотел отвезти. Она просила, если не поздно закончим. Там по пути. Всё сидел, ждал. Знал бы...

Глеб повернулся к нему.

— Пётр, пожалуйста.

Водитель ушёл к фургону. Зоя заметила на его щеке полоску от воротника: то ли спал в машине, то ли всю ночь тёр лицо рукавом. Фургон стоял теперь на другой стороне улицы, возле аптеки.

— Ты зачем приехала? — спросил Глеб.

— Светланин номер нужен.

— Для чего?

— Поговорить.

— Сейчас лучше не надо.

— Дай мне номер.

Он достал телефон, нашёл контакт и начал диктовать. Зоя не успевала набрать, попросила прислать. Глеб вздохнул и отправил карточку.

— Она с дочкой дома. Если поедешь, не устраивай там ничего.

— Что я могу устроить?

— Не знаю. Ты же всё время хочешь помочь.

Зоя убрала телефон.

— Про Ларису я знаю.

Глеб посмотрел на неё уже без прежнего раздражения. Его лицо стало тяжёлым, неподвижным.

— Что именно?

— Что знала про ограбление. Адвокат передал. Она сама просила.

— Хорошо, что хоть тебе призналась.

— Я сказала следователю про Степана. Он приезжал днём.

— Лучше бы ты мне вчера сказала.

— Про каждого, кто к сотрудникам приходит, тебе докладывать?

— Когда ты сотрудника ко мне приводишь под собственную ответственность — да.

Зоя ощутила, как у неё снова начали дрожать руки. Она спрятала их в карманы пальто.

— Я её рекомендовала. Не обещала, что буду за ней следить.

— Ты сказала: спросите с меня.

Собственные слова прозвучали чужим голосом и стали хуже, чем она помнила. Тогда за столом, перед виноградной косточкой возле Глебовой руки, это было почти жестом: отодвинуть его сомнение и освободить Ларисе место. Теперь Глеб произносил их так, будто доставал подписанную бумагу.

— Спроси, — сказала Зоя.

— Что?

— Я здесь. Спрашивай.

Он отвернулся к витрине. За стеклом стояли упаковки с печеньем, выставленные Ларисой в субботу. Она придумала поставить большие сзади, маленькие спереди, чтобы было видно цену. Зоя сначала переставила по-своему, потом признала, что так лучше.

— Сумму ты всё-таки назвала? — спросил Глеб.

— Я её не знаю.

— Вот и правильно.

— Сколько украли?

Он покачал головой.

— Пока сверяем.

— Глеб.

— Что, Глеб? Там не только мои деньги были.

Он замолчал. Зоя ждала.

— Надо было человеку вернуть. Я говорил, вечером заберу. Не успел.

— Какому человеку?

— Тебе это зачем?

Она хотела ответить: «Чтобы понять, из-за чего убили Виталика». Но Глеб уже доставал ключи, собираясь уйти от неё за дверь.

— Ты опять просишь говорить меньше, чем я знаю, — сказала она. — А сам ничего не объясняешь.

— Я прошу не сочинять.

К двери подошла пожилая женщина с авоськой и потянула ручку. Не поддалась. Женщина посмотрела на объявление, затем на Глеба.

— А молоко можно? Вы же тут.

— Нет, закрыто.

— Одну пачку. Мне тяжело до другого идти.

— Не могу.

Женщина рассердилась, поправила авоську на локте и пошла прочь. Зоя вдруг чуть не окликнула её: в холодильнике было молоко с завтрашним сроком, две пачки можно взять списанием. Мысль оказалась такой обычной, что от неё стало страшно.

Глеб отпер дверь ключом, но внутрь не позвал.

— Я сейчас с людьми. Персоналу пока сюда не надо. По зарплате позвоню.

— За эти дни заплатишь?

- Я сказал — позвоню.
- Юле деньги нужны. Вере тоже.
- Тебе одной не нужны?
- Мне нужны.
- Тогда не мешай мне работать.

Он вошёл и закрыл дверь перед её лицом. Зоя увидела, как он переступил размотанную бумагу на полу, даже не посмотрев вниз. Бумагу так и не убрали.

Олег ждал возле машины. Зоя подошла к нему и протянула телефон с адресом Ведениных.

- Дал?
- Дал.
- Ты им сначала позвони.

Она хотела сказать, что всё равно надо ехать, но увидела, как муж устало опустил плечи. Набрала номер.

Ответила молодая женщина.

- Да.
- Здравствуйте. Это Зоя Берестова, мы с Виталием работали. Мне Глеб дал...
- Я поняла. Что вы хотите?
- Я могу приехать?

На другом конце трубки послышались голоса. Кто-то сказал: «Это кто?» Молодая женщина ответила в сторону: «Из магазина».

- Приезжайте, — сказала она. — Только ненадолго. Мама не спала.

Веденины жили на первом этаже панельного дома. У подъезда рос большой куст сирени, голый снизу, с несколькими зелёными листьями на макушке. На окне справа висела клетка. Птицы Зоя не увидела, только качели и кусочек яблока, прищепкой прикреплённый к прутьям.

Дверь открыла Вика. С отцом у неё совпадали глаза — глубоко посаженные, с тяжёлыми верхними веками. Она провела Зою на кухню. Олег остался во дворе.

Светлана сидела у окна. На столе перед ней лежали паспорт, блокнот и несколько смятых бумажек. Правая ладонь была всё ещё забинтована.

- Пришла, — сказала она.
- Зоя осталась возле двери.
- Свет, я хотела извиниться. За вчерашнее.
- За вчерашнее что?
- Я не знала. Про Ларису. Теперь знаю.
- Светлана подняла на неё глаза.
- И тебе легче?
- Нет.
- А мне от этого что?

Вика поставила перед матерью стакан воды. Светлана отодвинула его.

- Пусть скажет. Пришла же зачем-то.

Зоя посмотрела на руки. У неё на ногте большого пальца осталась нитка от бумажной упаковки булочки; она попыталась снять её и поняла, как глупо это выглядит.

— Я ночью говорила, что Ларису тоже ударили. Будто ты должна её жалеть. Не должна. И меня жалеть не надо. Я пришла сказать, что была неправа.

Светлана смотрела долго, не моргая.

- Хорошо. Сказала.

Зоя кивнула.

Вика подошла к мойке, взяла стакан и налила воду себе. Пила маленькими глотками. На запястье у неё болталась резинка с зелёным пластмассовым шариком.

— С работы чем-то помочь? — спросила Зоя. — Я не про деньги вместо... Просто если нужно.

— С работы? — Светлана усмехнулась. — Он домой с работы не вернулся. Вот и вся помощь.

— Мам, — сказала Вика.

— Не надо меня мамкать. Я не истерю. Я разговариваю.

Зоя перевела взгляд на холодильник. Там висел магнит из приморского города, и под ним — календарь за прошлый год. На нескольких датах были маленькие синие крестики. Возле холодильника стояли Виталиковы рабочие ботинки, ещё одни, зимние. Из правого торчал свёрнутый носок.

— Он вчера хотел уйти раньше, — сказала Зоя. — У него дело было.

— У него всегда дело.

— Я не знала, что Глеб задержит машину.

— Ты почему ушла?

Зоя объяснила про свёкра. Не добавила, что так никуда и не поехала. Светлана смотрела на неё с таким вниманием, что пришлось добавить и это.

— Значит, просто дома сидела.

— Да.

Вика поставила стакан в мойку.

— Мама, она не знала, что случится.

— Я тоже не знала.

Светлана вдруг прижала ладонь к губам. Ту, что была перевязана. Морщины возле её рта углубились, и Зоя поняла: Светлана вот-вот заплачет. Но та убрала руку, вдохнула и снова заговорила ровно.

— Мы утром ещё разговаривали. Он на работу собирался. Сказал, вечером...

Она подняла глаза на Зою.

— Вы о чём... — начала Зоя и остановилась.

— О нашем. О семейном. Не о твоём.

— Прости.

— Теперь всё простите. Он десять лет этот магазин на себе держал. Тележки, холодильники, ваши бесконечные коробки. У него спина болела — ни разу не спросили. А теперь будете на похоронах стоять.

Вика обняла себя за плечи и отвернулась к окну. Зоя увидела, что дочь Виталия плачет молча, уткнув подбородок в ворот свитера. Светлана продолжала смотреть только на Зою.

— Трое их было, — сказала она. — Тот, который за ним пошёл, был ниже. Ты следовательно это сказала?

— Я его не видела.

— Я тебе сказала. Может, твоя Лариса знает, кто третий. Может, тебе признается, если защитника ей найдёшь.

— Я не собираюсь искать ей защитника. У неё есть.

— Уже есть. Быстро.

Зоя хотела возразить, но не смогла найти слов, которые не прозвучали бы сейчас спором о правах Ларисы над чужим столом.

Она попрощалась. Вика проводила её до двери.

— Вы не обижайтесь, — тихо сказала она.

— Я не обижаюсь.

— Она всегда...

Девушка остановилась, посмотрела в сторону кухни и пожала плечами.

— Сейчас ей очень плохо.

Зоя кивнула. Вика открыла дверь, но не отошла.

— Папа вам ничего не оставлял?

— Что?

— Пакет. Сумку. Он иногда на работе держал вещи. Чтобы дома не... Чтобы не таскать.

— Я не знаю. Там в шкафу есть его куртка, ботинки. Что-то ещё, наверное.

— Если будете забирать, скажите мне. Я сама приеду. Мама всё сразу выкинет. Когда плохо, она убирает.

Девушка произнесла это быстро, привычно, как объясняют гостю, почему скрипит дверь. Зоя записала её номер.

— Ничего без тебя не отдам.

Вика благодарно кивнула.

Только уже во дворе Зоя вспомнила, что не может обещать даже этого. Магазин принадлежал Глебу, вещи — семье, а часть из них, возможно, вообще нельзя трогать.

Она остановилась возле машины и написала Вике: «Я сначала уточню у следователя и Глеба, что можно забрать. Если вещи будут у меня — сразу позвоню».

Ответ пришёл почти сразу: «Спасибо».

Глава 9. Там про меня

Юлю отпустили домой в среду вечером. На следующий день её мать сама позвонила Зое и попросила приехать.

— Она в магазин собирается.

— Он пока закрыт.

— Я ей это говорю. Она сидит одетая. С семи утра.

В голосе женщины не было упрёка. Она говорила тихо, торопилась закончить, словно дочь могла услышать и обидеться. Зоя пообещала приехать, потом всё-таки спросила, хочет ли её видеть сама Юля.

Мать замолчала. Зоя услышала, как скрипнула дверь.

— Юль, Зоя Сергеевна может зайти. Ты как?

Ответа не было слышно. Вернувшись к телефону, женщина сказала:

— Говорит, пусть.

К Юле Зоя ехала на автобусе. Олег с утра развозил запчасти и предупреждал, что освободится поздно. Ася ушла в колледж, оставив на столе маленькую коробку: «Это Юле. Если поедешь». В коробке лежал пёстрый тканевый мешочек для телефона. Дочь сшила его для учебного проекта, не собираясь никому дарить. Теперь распорол верхний край и пришила длинную мягкую петлю.

Юлина мать оказалась совсем невысокой, в светлой рубашке и широких домашних брюках. Зоя вспомнила её у кассы: женщина покупала сразу пять пакетов гречки, когда та была по скидке, и всегда просила пробить отдельно её покупки и мамины.

— Марина, — представилась она. — Я не знаю, мы с вами толком...

— Помню вас.

— Спасибо, что приехали.

В квартире было жарко. В коридоре сушились полотенца, на кухне булькало что-то в кастрюле. Марина извинилась за беспорядок и сразу стала убирать с тумбы два совершенно не мешавших журнала.

Юля сидела на диване в джинсах и куртке. Молния была застёгнута до середины, под воротником виднелась полоска больничного пластыря. Волосы собрала в тугой хвост. На полу перед ней стоял рюкзак.

— Здравствуйте.

— Привет.

Зоя села на кресло напротив. Марина постояла в дверях.

— Я суп. Позовите, если...

Она ушла, не закончив.

Юля смотрела на Зоин пакет.

— Это Ася передала.

Зоя протянула коробку. Юля открыла, достала мешочек. Провела пальцем по строчке, потом вытащила телефон из рюкзака и попробовала вложить внутрь. Он вошёл не целиком, сверху осталось два сантиметра.

— Нормально, — сказала Юля. — У меня просто чехол толстый.

— Ася может переделать.

— Не надо. Так вытаскивать удобнее.

Она положила телефон на колени, подвигала его в мешочке и вдруг коротко улыбнулась. Зоя увидела обычную Юлю, которая могла полчаса подбирать значок для рабочего чата, потому что прежний был «слишком бухгалтерский».

— Напишу ей потом.

— Напиши.

Юля потянула левый рукав вниз. Полоса на запястье проступала из-под края, красная, местами тёмная.

— Вы сегодня к Глебу едете?

— Пока не собиралась.

— Мне рюкзак из шкафчика надо. Второй. Там зарядка от часов и наушники.

— Я спрошу, когда можно забрать.

— Он сказал, что скоро откроется. Люди нужны.

— Он тебе звонил?

— Вчера. Мама трубку взяла. Сказала, я сплю.

Зоя достала телефон и написала Глебу, что Юля восстанавливается после больницы и в ближайшие дни работать не будет. Перед отправкой остановилась.

— Можно я ему так скажу?

Юля смотрела на её пальцы.

— Я сама могу.

— Хорошо.

Зоя убрала телефон. Девушка вытащила свой из нового мешочка, набрала сообщение и сразу отправила, даже не перечитав. Потом сняла куртку.

— Мама говорит, надо вообще увольняться.

— А ты как думаешь?

— Не знаю. Я боюсь, что нигде больше не возьмут. Сейчас все говорят, я в сговоре была.

— Кто говорит?

Юля открыла местный чат. На экране было видео, снятое ночью из окна: полицейские машины, чужие голоса, фургон поставщика. Под ним кто-то написал, что «новенькая с кас-сиршей всё и устроили», потому что обе живые, а работник погиб.

Зоя почувствовала привычный жар в груди.

— Дай я отвечу.

Она протянула руку. Юля отодвинула телефон.

— Не надо.

— Они же не знают ничего.

— Вот пусть и не знают. Вы сейчас начнёте объяснять, они ещё больше напишут.

Зоя опустила руку.

— Это соседка наша прислала маме, — продолжила Юля. — Сказала, чтоб та была в курсе. Мама с ней поругалась. Теперь соседка обиделась. Говорит, она как лучше хотела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.